ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД
ТРЕТЬИ ВРАТА
КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джереми Логан

Линкольн Чайлд

Третьи врата

«Эксмо»
2012

Чайлд Л.

Третьи врата / Л. Чайлд — «Эксмо», 2012 — (Джереми Логан)

ISBN 978-5-457-60094-2

Археологическая экспедиция под руководством знаменитого исследователя Портера Стоуна ищет захоронение египетского фараона Нармера – великого правителя, более 5 тысяч лет назад объединившего страну. Стоун уверен: вместе с фараоном захоронен уникальный артефакт – сдвоенная корона Объединенного Египта. Ведь ни в одном царском захоронении, открытом ранее, ни в одном музее или частной коллекции мира не была обнаружена ни одна из частей древней короны фараонов. Археолог считает, что этот артефакт обладает уникальной силой. А еще Стоун уверен: гробницу охраняет древнее проклятие. Но даже ему неведомо, какая разрушительная мощь готова обрушиться на дерзкого, осмелившегося распечатать третьи врата гробницы…

ISBN 978-5-457-60094-2

© Чайлд Л., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог 5
1***Три года спустя 9
2 14
3 17
4 20
5 24
6 27
7 31
8 35
9 38
10 42
11 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Линкольн Чайлд
Третьи врата

Лючии

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Имена, персонажи, деловые организации, места действия, события и происшествия являются продуктами воображения автора. Любые сходства с реальными людьми, живущими или умершими, с событиями или местами являются случайными.

Пролог

Врач налил себе чашку кофе в комнате отдыха персонала, взял баночку сухих сливок на ближайшей полке, потом передумал и налил соевого молока из видавшего виды лабораторного холодильника. Помешивая кофе пластмассовой палочкой, он прошел по покрытому бледным линолеумом полу к группе одинаковых массивных стульев. Через двери просачивались привычные звуки: дребезжание инвалидных колясок и каталок, звяканье инструментов и гудение медицинских приборов и аппаратуры, зуммер больничного интеркома.

Работавший и проживавший в госпитале третий год Дигелло вытянул свои худые ноги и положил их на два потертых стула. Типичная для ординатора способность моментально засыпать в горизонтальном или вертикальном положении, каким бы неудобным оно ни было. Когда врач устроился в кресле рядом, ординатор перестал тихо храпеть и приоткрыл один глаз.

– Хай, док, – пробормотал он. – Сколько времени?

Доктор взглянул на часы, висевшие над шкафчиками на дальней стене.

– Десять сорок пять.

– Бог мой! – простонал Дигелло. – Значит, я проспал всего десять минут.

– Во всяком случае, тебе удалось ухватить хоть немного, – произнес доктор, потягивая кофе. – Кажется, ночка выдалась спокойная.

– Два инфаркта миокарда. Открытая трещина черепа. Срочное кесарево сечение. Два огнестрела, один в критическом состоянии. Ожог третьей степени. Проникающее ножевое ранение с поражением почки. Один простой перелом и один сложный. Старик налетел на каталку. Передозировка оксикодона, передозировка метадона, передозировка амфетамина. И все это, – он сделал паузу, – за последние девяносто минут.

Доктор сделал еще глоток кофе.

– Как я и сказал – спокойная ночь. Но взглянем и на светлую сторону. Ты бы все еще делал обходы в общей терапии.

Ординатор помолчал какое-то мгновение.

– И все же я никак не пойму, док, – пробормотал он. – Почему вы всем этим занимаетесь? Жертвуете себя на алтарь экстренной медицинской помощи каждую пятницу. Я хочу сказать. Пусть у меня нет другого выбора. Но вы-то – первоклассный анестезиолог.

Доктор допил свой кофе и выкинул стаканчик в мусор.

– Меньше любопытства в присутствии патрона, пожалуйста. – Он рывком встал. – Обратно в траншеи.

В коридоре доктор оценил относительно спокойную обстановку и уже направился к операционному столу в дальнем конце отделения экстренной медицинской помощи, когда вдруг заметил неожиданный всплеск активности.

– Автомобильная катастрофа, – объявила старшая медицинская сестра. – Одна жертва, сейчас привезут. Я зарезервировала палату «травма два».

Доктор немедленно направился к указанной секции. Как только он это сделал, двери распахнулись, и санитары вкатили носилки. За ними проследовали два полицейских офицера. Доктор сразу понял, что произошло что-то серьезное: быстрота их действий, выражение крайней озабоченности на их лицах, кровь на халатах медработников – все свидетельствовало об отчаянии.

– Женщина, около тридцати! – прокричал один из парамедиков. – Реакции отсутствуют!

Доктор немедленно впустил их и повернулся к ожидающему интерну.

– Привези тележку со всем необходимым для накладывания швов.

Тот кивнул и унесся прочь.

– И позови Дигелло и Корбина! – крикнул он вслед интерну.

Парамедики уже вкатывали носилки в «травму два» и устанавливали их около стола.

– Ближе ко мне, – проговорила сестра, когда они окружили пострадавшую. – Осторожнее с ее шеей. Раз, два, три!

Пациентку переложили на стол и выкатили из-под нее носилки. Доктор взглянул на бледную белую кожу; волосы цвета корицы; блузку, когда-то белую, а сейчас пропитанную кровью. Продолжавшая течь кровь оставляла след на полу, ведущий в отделение травматологии.

Что-то тревожное, похожее на холодный электрический ток, начало покалывать в его мозгу.

– Из нее сделал бифштекс какой-то пьяный водитель, – прошептал ему на ухо один из парамедиков. – Отключилась сразу.

В отделение вошли несколько интернов, за которыми спешил Дигелло.

– Определили группу крови? – спросил доктор.

Парамедик кивнул.

– Нулевая, резус отрицательный.

Сейчас все были заняты, прикрепляя мониторы, подвешивая новые системы для внутривенных вливаний, вкатывая каталки для перевозки тяжелобольных. Доктор повернулся к интерну.

– Свяжись с банком крови, запроси три единицы. – Он подумал о кровяном следе на бледном линолеуме. – Нет, запроси четыре.

– Насыщение кислородом полное, – сообщила одна из медсестер, когда спешно вошел Корбин.

Дигелло подошел к изголовью стола и взглянул на неподвижную жертву.

– Похоже на цианоз.

– Подключи газоанализатор крови, – резко произнес доктор.

Его внимание было сосредоточено на животе жертвы, сейчас голом, но скользком от крови. Быстро он закатал наброшенный на нее халат. Страшная открытая рана, наспех заштопанная парамедиками, обильно кровоточила. Доктор повернулся к сестре и указал на кровоточащую область. Она промокнула ее тампоном, и он снова осмотрел рану.

– Обширная травма живота, – заключил он. – Возможно, легочный пневмоторакс верхней доли. Нам необходима проверка перикарда. – Повернулся к парамедику. – А это еще что такое? Что случилось с воздушным мешком-подушкой?

– Соскользнул вниз, – ответил тот. – Приборная панель сложилась вдвое, как прутик, и она повисла на ней. Спасатели вытащили ее сверху манипулятором. Страшное зрелище, скажу я вам. Ее «Порше» расплющило этим пьяным ублюдком на кроссовере.

«Порше». Холодный ток в его голове опять начал бешено пульсировать. Он распрямился, стараясь взглянуть на голову пострадавшей, но Дигелло ее загораживал.

– Серьезная травма головы, – констатировал ординатор. – Необходимо провести компьютерную томографию.

– Кровяное давление восемьдесят на тридцать пять, – объявила медсестра. – Пульс семьдесят девять.

– Поддерживайте давление! – приказал Дигелло.

Слишком большая потеря крови, сильный шок: чтобы спасти ее, у них оставалась минута, самое большее две. В комнату вошла другая медсестра и начала прилаживать пакеты с кровью к системе переливания.

– Эта не пойдет, – сказал доктор. – Необходима система для внутривенного переливания большего диаметра. Пострадавшая слишком быстро теряет кровь.

– Один миллиграмм эфедрина, – приказал Корбин интерну.

Сестра повернулась к системе, схватила иглу большего диаметра и выпростала безвольную руку женщины, намереваясь ввести иглу в вену. В этот момент взгляд доктора упал на руку – тонкую, очень бледную. На пальце было платиновое кольцо: обручальное, с красивой сапфировой звездочкой цвета виски на темном фоне. Шри-ланкийское кольцо, очень дорогое. Он знал это, потому что сам его купил.

Неожиданно тишину комнаты прорезал резкий звук.

– Полная остановка сердца! – воскликнула сестра.

Какое-то время доктор оставался неподвижным, словно его парализовал ужас и застывшее неверие. Дигелло повернулся к одному из интернов, и сейчас доктор увидел лицо женщины: спутанные растрепанные волосы, открытые глаза, неподвижно уставившиеся вдаль, рот и нос скрыты под дыхательным оборудованием.

– Дженнифер, – простонал он, с трудом разлепив вмиг пересохшие губы.

– Теряем жизненно важные функции! – истерично воскликнула сестра. – Нам необходим лидокаин! Лидокаин! Немедленно!

Затем так же быстро, как и наступило, оцепенение прошло. Доктор повернулся к сестре экстренной медицинской помощи.

– Дефибриллятор, – распорядился он. Сестра быстро пошла в дальний угол комнаты и покатила тележку обратно.

– Заряжаю.

Подошел интерн, впрыснул лидокаин, отошел назад. Доктор схватил лопатки дефибриллятора, едва сдерживая дрожание рук. Такое не могло с ним происходить. Должно быть, это сон, просто дурной сон. Он проснется и вновь окажется в загроможденной комнате для отдыха с Дигелло, посапывающим в соседнем кресле…

– Разряд! – выкрикнула сестра.

– Есть разряд!

Доктор осязаемо ощутил напряжение в собственном голосе. Когда подручные отошли, он наложил лопатки дефибриллятора на голую окровавленную грудь и включил ток. Тело Дженнифер напряглось – и вновь откинулось на стол.

– Прямая линия! – воскликнула сестра у монитора жизненных функций.

– Еще разряд! – приказал доктор. Новое пиканье, низкое и настойчивое, прибавилось к царившей вокруг какофонии.

– Гиповолемический шок, – пробормотал Дигелло. – У нас не было ни единого шанса.

«Они не знают, – подумал доктор, как бы с расстояния в миллион миль. – Они не понимают». Он почувствовал, как в уголке глаза собралась слезинка и начала скатываться по его щеке.

– Заряжено! – произнесла сестра, возившаяся с дефибриллятором.

Доктор вновь прижал к груди умирающей контакты. Тело Дженнифер подпрыгнуло еще раз.

– Никакой реакции, – констатировал наблюдавший рядом интерн.

– Вот и все, – со вздохом произнес Корбин. – Ты должен признать это, Итан.

Но вместо этого доктор отбросил в сторону контакты и принялся делать массаж сердца. Он чувствовал ее тело, безучастное и холодеющее, лениво двигающееся под резкими движениями его неугомонных рук.

– Зрачки неподвижны и расширены, – сказала следящая за мониторами сестра. Но доктор не обратил на нее никакого внимания. Интенсивность его массажа сердца увеличивалась в бешеном темпе.

Шум в операционной начал затихать.

– Нулевая деятельность сердца, – произнесла сестра.

– Придется констатировать ее смерть, – подсказал Корбин.

– Нет! – рявкнул доктор.

Все в комнате вздрогнули от боли в его голосе.

– Итан?

Но вместо того, чтобы ответить, доктор начал горько плакать.

Все вокруг смущенно молчали; некоторые застыли в непонимании, другие отворачивались. Все, кроме одного интерна, который открыл дверь и молча вышел из комнаты. Доктор, который не переставал плакать, знал, куда направляется этот человек. Он шел за простыней.

1*** *Три года спустя*

Выросший в Вестпорте и сейчас преподающий в Йеле, Джереми Логан думал, что прекрасно знает свой родной штат Коннектикут. Однако участок, по которому он сейчас ехал, стал для него откровением. Направляясь к востоку от Гротона и следуя направлению, указанному в полученном сообщении электронной почты, он повернул на трассу US1 и затем, проехав мимо Стонингтона, – на ее дублер.

Прижимаясь к серой береговой атлантической линии, Джереми миновал Векетквок, переехал через мост, выглядевший старым, как сама Новая Англия, и свернул вправо на дорогу с хорошим, но неразмеченным покрытием. Как-то внезапно и разом исчезли небольшие предприятия и туристические мотели. Джереми миновал сонную бухту, а затем въехал в такую же сонную деревушку. И все-таки это была настоящая деревня, трудовая, с сельским магазином, инструментальной лавкой и епископальной церковью со шпилем, втрое превосходящим разумные размеры, и покрытыми серой черепицей домами с побеленными, аккуратно подстриженными живыми оградками и штакетником. Нигде не видно ни громоздких внедорожников, ни табличек с указанием улиц; редкие жители расселись по скамейкам или высовывались из окон, дружелюбно размахивая руками, когда Джереми проезжал мимо. Апрельское солнце заливало все вокруг, морской воздух был чист и свеж. Вывеска, висевшая на входной двери почты, извещала, что он находится в Пивенси-Пойнт, население сто восемьдесят два человека. Чем-то это место непреодолимо напоминало о Германе Мелвилле[1].

«Карен, – подумал он, – если бы ты увидела это место, то никогда бы не настояла на том, чтобы мы купили тот летний коттедж в Хайаннисе».

Хотя его жена умерла от рака несколько лет назад, Логан все еще позволял себе время от времени разговаривать с ней. Конечно, обычно (но не всегда) это был скорее монолог, нежели беседа. Поначалу Джереми убеждался, что его никто не слышит. Но затем то, что начиналось как некое интеллектуальное хобби, постепенно превратилось в профессию, и его уже нисколько не заботило, слышат его или нет. В настоящее время, учитывая то, чем он зарабатывал на жизнь, люди ожидали от него некоторых чудачеств.

Джереми проехал пару миль за город точно в указанном в письме направлении. Узкая полоса дороги увела его направо. Вскоре он очутился в лесу, посреди тонких виргинских елей, росших на песке; вскоре лес уступил место бурым дюнам. Те закончились перед металлическим мостом, который вел к широкому выступу, заходящему в Фишерс-Айленд-Саунд. Даже с этого расстояния Логан мог рассмотреть на острове около дюжины строений, все из красновато-бурого камня. В центре стояли три больших пятиэтажных корпуса, напоминавших студенческие общежития – они стояли параллельно, как костяшки домино. На дальнем конце острова, частично скрытая другими строениями, находилась взлетно-посадочная полоса. А за всем этим простирался океан, обрамленный темно-зеленой береговой линией Род-Айленда.

Логан проехал последнюю милю, остановился у домика охранника перед мостом и предъявил распечатанное электронное письмо. Охранник дружелюбно улыбнулся и сделал приглашающий жест.

Джереми переехал через мост, миновал близлежащее строение и заехал на стоянку. Она оказалась на удивление большой. Там были припаркованы не менее пятидесяти машин, и оставалось пространство еще для нескольких дюжин. Логан заехал на свободное место и заглушил двигатель. Прежде чем выйти, он еще раз перечитал письмо.

---

[1] Герман Мелвилл (1819–1891) – американский писатель и моряк, автор классического романа «Моби Дик».

Джереми!

С радостью и облегчением прочитал о твоем согласии. Я также ценю твою гибкость, так как раньше уже упоминал о том, что сейчас трудно предугадать, как долго продлится твое исследование. В любом случае тебе будет выплачена как минимум двухнедельная компенсация по обозначенной тобой ставке. Извини, что пока не могу ознакомить тебя с подробностями, но, вероятно, ты к этому привык. Хочу добавить, что буду очень рад вновь увидеть тебя после стольких лет.

Как пройти в Центр, указано ниже. Буду тебя ждать утром 18-го числа, в любое время между десятью часами и полуднем. И еще одно: когда ты присоединишься к этому проекту, тебе будет трудно связываться с внешним миром. Скоро сам поймешь почему. Поэтому, пожалуйста, постарайся закончить все свои неотложные дела, перед тем как приедешь. С нетерпением жду 18-го!

С наилучшими пожеланиями,
И.Р.

Логан глянул на часы: одиннадцать тридцать. Он еще раз перечитал письмо. «Тебе будет трудно связываться с внешним миром». Это еще почему? Может быть, ретрансляторы мобильной связи не покрывают территорию за живописным Пивенси-Пойнт? Как бы то ни было, одно в письме оставалось верным: «ты к этому привык». Джереми взял большую спортивную сумку с пассажирского сиденья, сунул в нее письмо и вылез из машины.

Расположенный в одном из центральных, напоминающих общежития, корпусов ресепшен напоминал Логану больницу или клинику: полдюжины пустых кресел, столики с журналами и еженедельниками, рассеянные по бежевым стенам анонимные картины, написанные маслом, и стойка, за которой находилась женщина лет тридцати с небольшим. За ней на стене висела загадочная аббревиатура CTS, опять-таки без указания того, что означают эти три буквы.

Логан назвал свое имя. В ответ женщина взглянула на него со смешанным выражением любопытства и скрытой тревоги. Он сел в одно из пустых кресел, решив, что ожидание будет долгим. Но не успел он взять последний выпуск «Гарвард медикал ревью», как дверь напротив стойки открылась, и появился Итан Раш.

– Джереми! – воскликнул он, широко улыбаясь и протягивая руку. – Спасибо, что добрался так быстро.

– Итан, – ответил Логан, пожимая протянутую руку. – Рад снова тебя видеть.

Они не виделись со дня их совместной работы в клинике Джона Хопкинса более пятнадцати лет назад, когда Джереми учился в аспирантуре, а Итан – в медицинском колледже. Но стоявший перед ним человек в полной мере сохранил юношеский оптимизм и моложавость. Лишь паутинка мелких морщинок в уголках глаз свидетельствовала о годах, прошедших со времен их юности. И все же простой акт пожимания рук вызвал у Логана два четких впечатления от старого друга: некое жизненное потрясение и непоколебимая преданность делу, граничащая с одержимостью.

Доктор Раш оглядел ресепшен.

– А где твой багаж?

– В моей дорожной сумке в машине.

– Давай ключи; я позабочусь, чтобы его доставили в твою комнату.

– Это «Лотус Элан S4».

Раш присвистнул.

– Родстер? Какого года?

– Шестьдесят восьмого.

– Отлично. Я позабочусь о том, чтобы с ним обошлись очень аккуратно.

Логан сунул руку в карман и вручил ключи Рашу, который передал их регистратору и прошептал ей инструкции. Затем повернулся и сделал знак следовать за ним.

Поднявшись на лифте на верхний этаж, Итан провел посетителя через длинный холл, пахнущий чистящими средствами и химикатами. Схожесть с больницей стала еще сильнее – обычной, рядовой, но без пациентов; им встретилось лишь несколько человек, одетых в уличную одежду и, несомненно, абсолютно здоровых.

Джереми с любопытством заглядывал в открытые двери, пока они шли по коридору. Он увидел конференц-залы, большой пустой лекционный зал, по крайней мере, на сотню посадочных мест, лаборатории со сверкающим оборудованием, что-то похожее на справочную библиотеку, полную переплетенных журналов и терминалов с собственной памятью. Еще более странно, он заметил несколько на первый взгляд одинаковых комнат, в каждой из которых стояла односпальная узкая кровать с идущими к ней дюжинами, если не сотнями, проводов, подсоединенных к стоящим рядом мониторам. Некоторые двери были закрыты и имели маленькие оконца с задернутыми шторками. Мимо них в холл прошла группа мужчин и женщин в белых лабораторных халатах. Они покосились на Логана и кивнули Рашу.

Остановившись перед дверью, на которой было написано «Директор», Итан открыл ее и пригласил Джереми в приемную, в которой сидели два секретаря и стояло множество шкафов. Далее они прошли в офис в конце приемной. Он был со вкусом обставлен, но также по минимуму, как и внешний. На стенах висели картины постмодернистов в холодных голубых и серых тонах; четвертая стена была полностью сделана из стекла и закрыта шторами.

В центре комнаты стоял стол из тикового дерева, отполированный до блеска, а по бокам – два кожаных стула. Раш сел на один из них и указал Логану на другой.

– Могу я тебе что-нибудь предложить? – спросил директор. – Кофе, чай, содовая?

Джереми отрицательно помотал головой.

Итан перекинул ногу за ногу.

– Если честно, я не был уверен, что ты захочешь принять участие в этом мероприятии, учитывая твою занятость… и то, насколько скрытным мне пришлось быть относительно некоторых подробностей.

– Ты не был уверен – даже после принятия моих условий и гонорара, который я заломил?

Раш улыбнулся.

– Что правда, то правда – твой гонорар оказался, скажем так, значительным. Но и твоя работа будет… э… специфической, и никто ее не сделает лучше, чем ты. – Он поколебался, как бы подыскивая слова. – Так как называется твоя профессия?

– Я – энигмалогист.

– Правильно. Энигмалогист. – Раш с любопытством взглянул на Логана. – Это правда, что ты смог задокументировать существование лох-несского чудовища?

– Лучше узнай это у моего клиента, который в деталях может рассказать тебе об этом конкретном задании. Обратись в Эдинбургский университет.

– Ты же профессор, не правда ли?

– История Средних веков. В Йеле.

– А что они думают в Йеле о твоей второй профессии?

– Ясновидение никогда не было проблемой. Это помогает гарантировать больший доступ к скрытым вещам.

Логан еще раз окинул взглядом просторный и удобный офис. Он часто сталкивался с тем, что новые клиенты предпочитают поговорить о предыдущих успешных предприятиях. Это позволяло отложить переход к обсуждению их проблем.

– Я припоминаю твои исследования в институте Пибоди и в лаборатории прикладной физики в школе, – проговорил Итан. – Кто бы мог подумать, что это приведет тебя туда, где ты сейчас находишься… Я имел в виду твои нынешние изыскания.

– Вообще-то это ты меня пригласил, – Логан поерзал на стуле. – Так что, будь любезен, расскажи мне, что обозначает эта странная аббревиатура CTS? Все вокруг не дает и намека на это.

– Мы предпочитаем особо об этом не распространяться. Центр исследований трансмортальности.

– Исследования трансмортальности, – повторил Джереми задумчиво.

Раш утвердительно кивнул головой.

– Я основал его два года назад.

Логан удивленно взглянул на него.

– Ты основал научно-исследовательский центр?

Раш глубоко вздохнул. Глубокая печаль омрачила его лицо.

– Видишь ли, Джереми, дело обстояло так. Три года назад я дежурил в отделении экстренной медицинской помощи, когда «Скорая» привезла мою жену, Дженнифер. Она попала в страшную автомобильную аварию и не подавала никаких признаков жизни. Мы перепробовали все – массаж сердца, электрошок, но все оказалось бесполезно. Ситуация оставалась безнадежной. Это был худший момент моей жизни. И я просто стоял, неспособный спасти свою жену… Все ждали, когда я объявлю о ее смерти. И я сам тоже ждал этого, но оттягивал момент.

Логан участливо смотрел на Раша.

– Но я этого не сделал. Не мог заставить себя. Просто не мог с этим смириться. Несмотря на увещевания ассистентов, продолжал предпринимать героические усилия по ее реанимации… – Итан порывисто наклонился вперед. – И знаешь, Джереми, – она выкарабкалась. В конце концов, я ее оживил. И это через четырнадцать минут после того, как ее мозг перестал функционировать!

– Но каким образом?!

Раш развел руки в стороны.

– Это было чудо. Или так мне показалось в тот момент. Самое удивительное из того, что я испытал в жизни, из всего, что можно представить. Открытие, меняющее все мои жизненные представления. Вытащить ее с того света…

Он помолчал какое-то время.

– В тот момент пелена спала с моих глаз. Неожиданно я понял, чем буду заниматься. Я уехал из госпиталя Род-Айленда, оставив практику анестезиолога, и с того времени начал изучать случаи нахождения человека вне тела при клинической смерти.

«Событие, изменяющее жизнь», – подумал Логан. Вслух же он задумчиво произнес:

– Исследования трансмортальности…

– Точно так. Документирование различных проявлений, попытки анализировать и фиксировать подобные явления. Ты удивишься, Джереми, как много людей прошло через это состояние, близкое к смерти, и, что особенно важно, как много сходного во всех этих случаях. После того как вернулся, уже никогда не станешь прежним. Как ты, наверное, догадываешься, в тебе появляется что-то новое, а также в твоих любимых и близких.

Итан обвел рукой офис.

– Мне почти не составило труда собрать деньги для Центра. Многие люди, пережившие близкое к смерти состояние[2], с энтузиазмом делятся опытом и узнают больше, нежели понимали сначала.

[2] В романе иногда будет использоваться сокращение БСС.

– Итак, что же именно происходит в Центре? – спросил Логан.

– По сути дела, мы составляем небольшое сообщество врачей и исследователей, большинство из которых имеют родственников или друзей, прошедших через это состояние. Мы приглашаем людей, выживших после БСС, на несколько недель или месяцев в Центр для того, чтобы точно задокументировать все, что с ними происходило, и подвергаем их различным добровольным тестам.

– Тестам? – не удержался Логан.

Итан кивнул.

– Хоть мы работаем всего восемнадцать месяцев, уже провели множество исследований и сделали ряд полезных и интересных находок.

– Но ты говорил, что вы предпочитаете держать их в секрете?

Раш улыбнулся.

– Представляешь, что бы сказали обитатели Пивенси-Пойнт, узнай они точно, кто арендовал старую тренировочную базу Береговой охраны вниз по дороге и почему?

«Да, представляю. Они сказали бы, что ты играешь с судьбой», – подумал про себя Джереми, но вслух ничего не произнес. Сейчас он, наконец, начал понимать, зачем вдруг понадобились его специфические знания и опыт.

– Скажи честно, что здесь происходит и как я могу тебе помочь в твоих изысканиях?

На лице Раша отразилось мимолетное удивление.

– О, ты, похоже, неправильно меня понял. Здесь ничего не происходит.

Логан немного поколебался.

– Ты прав, я действительно недопонял. Если стоящая перед тобой задача – не здесь, тогда зачем ты меня вызвал?

– Извини меня за уклончивость, Джереми. Я смогу рассказать тебе больше, когда ты будешь на борту.

– Но я уже на борту. Именно поэтому я здесь.

Вместо ответа Раш поднялся и подошел к дальней стене.

– Нет.

Нажатием невидимой кнопки он распахнул шторы, открывая стену, представляющую сплошное окно. За ним лежала взлетно-посадочная полоса, которую Логан видел по прибытии. Но теперь он заметил, что полоса вовсе не пуста – на ней стоял красавец «Лиарджет 85», гладкий и блестевший на полуденном солнце. Раш указал на самолет пальцем.

– Когда ты будешь на борту вот этого, – сказал он.

2

В самолете находились пять человек: два члена экипажа, Логан, Раш и еще один сотрудник с двумя лэптопами и несколькими папками, заполненными, как оказалось, результатами лабораторных испытаний. Когда самолет взлетел, Итан извинился и прошел в заднюю часть салона, чтобы поговорить с сотрудником. Логан выудил из своей спортивной сумки последний выпуск «Нэйчур» и полистал его в поисках новых открытий или аномалий, которые могли заинтересовать его профессионально. Затем, почувствовав дремоту, отложил журнал и прикрыл глаза, решив подремать минут пять-десять. Но когда он проснулся, за бортом стемнело, и Джереми был несколько дезориентирован после долгого глубокого сна. Раш сидел в кресле напротив.

– Где мы находимся? – спросил Логан.

– Подлетаем к Хитроу.

Джереми вглядывался через иллюминатор на огни ночного Лондона.

– Это пункт нашего назначения?

Раш покачал головой и улыбнулся.

– Знаешь, я нахожу это забавным, что ты сел в самолет, ни о чем не спрашивая. Я бы на твоем месте хотя бы спросил, куда мы направляемся.

– При моей профессии приходится много путешествовать. Поэтому у меня всегда с собой паспорт.

– Да, я читал статью о тебе. Поэтому и не попросил тебя захватить паспорт.

– За последние шесть месяцев я побывал во многих иностранных государствах: Шри-Ланка, Ирландия, Монако, Перу, Атлантик-Сити…

– Атлантик-Сити – не иностранное государство, – заметил Раш со смехом.

– Для меня он показался иностранным.

Они приземлились и отрулили к частному ангару, где сотрудник CTS сошел с самолета, неся в руках лэптопы и папки, намереваясь сесть на коммерческий рейс обратно в Нью-Йорк. Раш и Логан слегка перекусили, пока дозаправлялся самолет. Когда они снова взлетели, Раш сел рядом с Логаном, держа в руке черный кожаный портфель.

– Хочу показать тебе фотографию, – сказал он. – Думаю, она объяснит тебе необходимость сохранения секретности.

С этими словами он щелкнул замком портфеля, слегка приоткрыл его, порылся внутри, вытащил номер «Форчун» и показал его Логану.

На обложке красовался портрет мужчины лет пятидесяти с небольшим. Его густые, преждевременно поседевшие белоснежные волосы были разделены пробором посередине – странная анахроническая внешность напоминала Джереми школьника муниципальной школы викторианской поры. Внешность подчеркивалась сильной задней подсветкой фотографии. Мягкие, почти женственные контуры лица резко контрастировали с обветренной кожей, как будто часто подвергавшейся воздействию солнца и ветра. И хотя человек и не улыбался, в уголках его рта и в голубых глазах таилась легкая усмешка. Он смотрел прямо в камеру и как будто посмеивался какой-то личной шутке, которой не собирался поделиться с миром.

Логан узнал его, и, как и обещал Итан, многое стало намного понятнее. Лицо принадлежало Портеру Стоуну, несомненно, самому известному и пока что богатейшему в мире охотнику за сокровищами. Впрочем, называть его банальным «охотником за сокровищами» было бы несправедливо, подумал Джереми. Стоун получил образование археолога и преподавал этот предмет в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе до того, как нашел два корабля испанского военного флота, затонувших в 1648 году в международных водах.

Они были доверху набиты серебром, золотом и драгоценными камнями и держали путь из колоний обратно на родину.

Эта находка сделала Стоуна не только баснословно богатым, но и принесла ему дурную славу. «Известность» только повышалась с его последующими открытиями: захоронения инков и найденный клад, спрятанный в горном ущелье в двадцати километрах от Мачу-Пикчу; огромный тайник вырезанных из аргиллита фигурок птиц, животных и людей, расположенный в первобытных руинах горного массива Великого Зимбабве. Другие, не менее ценные находки следовали с завидной быстротой и регулярностью. «Какую еще следующую древнюю цивилизацию он вскоре разграбит?» – вопрошала шапка на обложке журнала.

– Это то, куда мы направляемся? – изумленно спросил Логан. – Охота за очередными сокровищами? Археологические раскопки?

Раш утвердительно кивнул головой.

– На самом деле понемногу того и другого. Последний проект Стоуна.

– И что это на этот раз?

– Скоро мы узнаем.

Итан снова раскрыл портфель. Когда Логан заглянул ему через плечо, то увидел, как тот сунул журнал под тонкую стопку каких-то бумаг. И хотя взгляд был беглым, Логан заметил документы, испещренные иероглифами.

Раш быстро закрыл портфель.

– Единственное, что я могу сказать, – это самая большая экспедиция, которая когда-либо предпринималась. И самая секретная. Кроме обычной необходимости работать ниже видимости радара, мы будем использовать… некоторые технические новинки.

Логан кивнул. Он не был удивлен: экспедиции Стоуна с каждым разом становились все более значительными. Они привлекали пристальное внимание как любопытных журналистов, так и искателей приключений и легкой наживы. И теперь, вместо того чтобы лично наблюдать за ходом работ, Стоун предпочитал руководить ими на расстоянии, часто с другого конца света.

– Вынужден спросить: каков твой интерес в этом проекте? Он не имеет никакого отношения к Центру: все тела, которые могут заинтересовать Стоуна, определенно будут мертвы. Давным-давно мертвы.

– Я – медицинский эксперт экспедиции. Но не только это. У меня есть и другая, косвенная заинтересованность. – Раш поколебался. – Не подумай, будто я что-то скрываю. Есть вещи, которые ты сможешь узнать и понять только на площадке. Но могу тебя заверить, что в этих раскопках есть некоторые специфические аспекты, которые выявились в последнюю неделю или около того. Вот тут-то в дело вступишь ты.

– О’кей. Тогда вопрос, на который ты, возможно, сможешь ответить. Тогда в офисе ты упомянул, что до основания Центра был анестезиологом. Почему ты работал смену в отделении экстренной помощи в тот день, когда «Скорая» привезла твою жену? Для тебя дежурные смены давно должны были быть пройденным этапом.

Улыбка сошла с лица Раша, как будто ее стерли.

– Этот вопрос мне задавали все время, до наступившего у Дженнифер близкого к смерти состояния. Я всегда реагировал несерьезно и старался отшучиваться. Дело в том, что моя специализация – неотложная медицинская помощь. Но я так и не смог привыкнуть к смерти, – он тряхнул головой. – Смешно, не правда ли? Нет, конечно же, я мог успешно лечить естественные заболевания: опухоли, воспаление легких, нефриты… Но внезапная, неожиданная, насильственная смерть…

– Да, для врача экстренной медицины это главное, – ответил Логан.

– И не говори. Этот страх смерти и незнание, как правильно действовать в таких случаях, послужили причиной того, что я переквалифицировался в анестезиолога. Но это ощу-

щение преследует меня. Попытки убежать от него не приносили ощутимого результата: мне было необходимо смотреть смерти в глаза. И поэтому, чтобы поддерживать себя в форме, я выходил на дежурство в отделении экстренной помощи каждую вторую неделю месяца. Это как носить власяницу.

– Ты прямо как Митридат.

– Кто?

– Митридата Шестого, царя Понта, постоянно преследовал страх быть отравленным. Поэтому он постоянно старался приучать себя к ядам, и каждый день принимал их несмертельные дозы, пока его тело не закалилось.

– Принимать яд для развития иммунитета, – проговорил Раш. – Похоже, это как раз то, что я и делал. Как бы то ни было, после происшествия с моей женой я полностью оставил медицинскую практику, основал клинику и направил свою деятельность в позитивное русло: начал исследовать тех, кто избежал объятий смерти.

– Позволь тебя спросить, почему ты создал собственную клинику? Насколько я знаю, уже существуют несколько организаций, занимающихся исследованиями БСС и сознания.

– Это так. Но ни одна из них не является такой крупной, специализированной и целеустремленной, как CTS. Кроме того, мы вклинились в некоторые другие уникальные, еще не исследованные области знаний.

Итан извинился и ушел. Логан повернулся к окну и принялся вглядываться в темноту. Взглянув на звезды, он понял, что они летят на восток. Но куда точно? Казалось, что Портер Стоун уже посылал экспедиции во все уголки мира: Перу, Тибет, Камбоджу, Марокко… Этот человек, судя по прессе, обладал даром Мидаса: каждый проект, который он осуществлял, превращался в золотое дно.

Логан вспомнил о портфеле и листках с загадочными иероглифами. Потом закрыл глаза.

Когда он снова проснулся, было уже утро. Джереми потянулся, поерзал на своем сиденье, еще раз выглянул в окно. Теперь под ними проплывала широкая коричневая река с полосками зеленых вкраплений по берегам. Ее окружал засушливый ландшафт. Вдруг Логан замер. Там, на горизонте, стоял хорошо знакомый гранитный монолит: несомненно, пирамида.

– Что-то подобное я и предполагал, – выдохнул он.

Раш все так же сидел через проход напротив. Услышав эти слова, он взглянул на него.

– Мы в Египте, – констатировал Логан.

Итан кивнул.

Несмотря на тщательно культивированный стоицизм, Джереми почувствовал, как по его телу прокатилось возбуждение.

– Всегда хотел поработать в Египте.

Раш вздохнул наполовину заинтересованно, наполовину с сожалением.

– Не хочу тебя расстраивать, но наше место работы совсем не здесь.

3

Раньше Логан был в Каире только один раз – в качестве аспиранта, собиравшего материалы о передвижении солдат-фризов во время Пятого крестового похода.

Когда они ехали по шоссе из каирского международного аэропорта, Джереми показалось, что дорога забита исключительно машинами двадцатилетней и большей давности. Древние «Фиаты» и «Мерседесы» с множеством вмятин и разбитыми фарами сновали со скоростью шестьдесят миль в час. Они обгоняли ветхие ржавые автобусы, в проемах снятых пассажирских дверей которых висели бесшабашные пассажиры. Впрочем, время от времени попадались европейские седаны последних моделей, до блеска отполированные и почти всегда черные.

Джереми и Раш сидели на заднем сиденье машины, вполголоса обсуждая все, что попадало в их поле зрения. Багаж остался в самолете. Их шофер на стареньком «Рено», бывшем чуть моложе своих снующих мимо собратьев, профессионально рулил в лабиринте подъездных дорог аэропорта; сейчас он наконец-то выехал на шоссе, ведущее в Каир.

Логан смотрел на одинаковые кварталы шестиэтажных бетонных коробок, выкрашенных в горчичный цвет. На балконах сушилось белье и одежда; окна закрыты навесами и тентами, демонстрирующими путаную низкосортную рекламу. Плоские крыши оседлали спутниковые тарелки, похожие на смайлики, только без нарисованных глаз-пуговок и растянутых в глупые улыбки ртов, с бесчисленными кабелями, протянувшими, словно для пожатия, руки-плети от дома к дому. Над всем этим висел бледно-оранжевый раскаленный шар, безжалостно сжигая все, что попадалось ему на пути. Логан высунулся из широко открытого окна, жадно глотая пропитанный дизелем воздух.

– Четырнадцать миллионов жителей, – сказал доктор Раш, глядя в одному ему известном направлении. – Втиснутые в две сотни квадратных миль города.

– Если Египет не является местом нашего назначения, почему мы здесь?

– Это просто короткая остановка. Мы опять будем в воздухе до полудня.

По мере приближения к центру города плотность движения транспорта стала еще гуще. Пешеходы наводнили улицы, пытаясь воспользоваться малейшей остановкой транспорта или пробкой, чтобы волей-неволей проскочить мимо урчащих машин, едва не касаясь их бамперов. Каким-то чудом им удавалось избегать серьезных столкновений.

Ближе к центру здания не становились выше, но архитектура выглядела интереснее и слегка напоминала Рив-Гош[3]. Стали появляться стражи порядка – полицейские в черной униформе прятались в раскаленных будках на перекрестках. Гостиницы и универмаги с установленными перед ними бетонными заграждениями. Они проехали мимо посольства США – крепости, обставленной постами с крупнокалиберными пулеметами.

Спустя несколько минут машина внезапно свернула к обочине и остановилась.

– Вот мы и прибыли, – объявил Раш, открывая дверь.

– И куда?

– Музей египетских древностей, – ответил Итан и вылез из машины.

Логан последовал за ним, стараясь не прижиматься к нему телом. Ему пришлось пропустить машину, промчавшуюся перед ним. Он взглянул вверх на фасад розового камня на въезде на площадь. Джереми тут был в прошлый раз во время поисков материала для диссертации. Зуд возбуждения, который он впервые ощутил в себе в самолете, становился сильнее.

[3] Имеется в виду часть Парижа, расположенная на левом, южном берегу Сены (фр. rive gauche – левый берег).

Они пересекли площадь, отмахиваясь от назойливых продавцов безделушек, продававших мерцающие в темноте макеты пирамид и игрушечных верблюдов на батарейках. Взрывы быстрой арабской речи атаковали Логана со всех сторон.

Они прошли мимо пары караульных, стоявших по обе стороны входа. Прежде чем войти внутрь, Джереми услышал усиливавшийся по амплитуде крик, перекрывающий грохот транспорта и болтовню многочисленных туристов: распев муэдзина из местной мечети, расположенной на другой стороне площади Тахрир, призывавшего благоверных к молитве. Логан остановился, прислушался и услышал такой же призыв, доносившийся с другой мечети; затем он был подхвачен еще одной, и так далее. Голоса муэдзинов доносились все с более далекого расстояния, пока не покрыли, словно эхом, весь огромный город.

Джереми почувствовал, как кто-то легонько толкнул его в бок. Это Раш. Логан повернулся и вошел внутрь.

Древнее строение переполнено, несмотря на ранний час, но потная масса людей еще не успела нагреть каменные галереи. После нещадно палившего, слепящего солнца внутри музея казалось очень темно. Ученые шли через нижний этаж, мимо бесчисленных статуй и каменных табличек. Пройдя по последней галерее, поднялись по широкой лестнице на первый этаж[4]. Здесь, ряд за рядом, располагались многочисленные саркофаги, установленные на каменных цоколях и похожие на часовых, охраняющих вход в мир теней. Вдоль стен располагались шкафы со стеклянными передними дверками, в которых хранились разнообразные предметы для погребения, изготовленные из золота и фаянса. Эти шкафы были закрыты и опечатаны простыми свинцовыми пломбами на проволочках.

– Ты не возражаешь, если я на минутку задержусь чтобы взглянуть на погребальные атрибуты Рамзеса Третьего? – спросил Логан, указывая на одну из дверей. – Думаю, это где-то в том проходе. Недавно я прочитал об алебастровой канонической вазе, которая использовалась для вызывания…

Но Итан улыбнулся с извиняющимся видом, показал на часы и просто подтолкнул Джереми к выходу.

Они прошли к другой, более узкой лестнице, поднялись по ней и приблизились к следующей двери. В этом зале оказалось значительно спокойнее. Галереи были посвящены научным коллекциям: стелам с надписями и фрагментам папируса, выцветшего и ветхого. Освещение тусклое, каменные стены – грязные. Один раз Раш остановился, чтобы свериться с начертанным на обрывке бумаги планом этажа, который он вытащил из кармана.

Логан с любопытством заглянул в полуоткрытую дверь и увидел стопки папирусных свитков, хранящихся подобно винным бутылкам в погребе сомелье. В другой комнате располагалась коллекция масок древних египетских богов: Сета, Осириса, Тота. Такое обилие артефактов и бесценных сокровищ, а также огромный объем лежащих повсюду древностей подавляли и действовали почти удручающе.

Они повернули за угол, и Итан остановился перед запертой деревянной дверью. На ней золотыми буквами, настолько выцветшими, что их почти невозможно было прочитать, было написано: «Архив III: Танис – Сехел – Фаюм». Раш быстро оглянулся на Логана, затем посмотрел через его плечо вниз на пустой холл. Потом открыл дверь и впустил его внутрь.

В следующей комнате было еще темнее, чем в проходе. Окна, расположенные в ряд под высоким потолком, скупо пропускали лучи света, ослабленные многолетней грязью. Другое освещение отсутствовало. Все четыре стены заставлены книжными шкафами, до отказа набитыми древними журналами, переплетенными манускриптами, заплесневелыми тетрадями в кожаных переплетах и толстыми кипами папирусов, связанных вместе посекшимися кожаными ремешками. Все это пребывало в полном беспорядке.

[4] В ряде стран первый этаж обычно называется нижним, первый этаж – вторым, второй – третьим и т. д.

Логан сделал шаг вперед и осторожно вошел в комнату. В ней сильно пахло воском и гниющей бумагой. Это место, в котором ему уютно: депозитарий далекого прошлого, хранилище секретов, загадок и странных хроник, которые терпеливо ждали, когда их вновь обнаружат и обнародуют. Джереми провел значительную часть жизни в подобных комнатах. Но его опыт в основном ограничивался исследованием средневековых аббатств и подземных усыпальниц кафедральных соборов. Находившиеся же здесь артефакты – большинство из которых на мертвых языках – были гораздо более древними.

В центре стоял стол, длинный и узкий, окруженный полудюжиной стульев. В комнате было темно и тихо, и все же Джереми думал, что они тут не одни. Теперь, когда его глаза привыкли, он заметил человека в арабском одеянии, сидящего за столом спиной к ним, сгорбившегося над древним свитком. Он не пошевелился при их появлении и сейчас никак не отреагировал. Казалось, человек полностью погружен в чтение.

Итан сделал шаг вперед и встал рядом с Логаном. Потом прочистил горло. Долгое время фигура не шевелилась. Потом старик чуть повернулся в их направлении. Он не пытался установить визуальный контакт – скорее, просто отметил присутствие новых лиц. Он был одет в традиционную обветшалую серую галабею, выцветшие хлопчатобумажные штаны и бурнус с капюшоном: одежда, старомодная даже для человека преклонных лет. Рядом на поношенной соломенной подставке стояла чашечка черного кофе.

Логан почувствовал необъяснимый приступ раздражения. Стало ясно, что Раш привел его сюда, чтобы проконсультироваться относительно какого-то частного документа. Ну и как они могли сохранять конфиденциальность в присутствии старого книжника, да еще такого нахального и бесцеремонного?

Но, к удивлению Логана, старик рывком отодвинул стул от стола, встал и нарочито пристально уставился на них. Складки капюшона полускрывали старые очки для чтения, потрескавшиеся и пыльные, и посеченное непогодой и морщинами лицо. Он стоял, явно оценивая их, сверля глазками.

– Извините за опоздание, – произнес Итан.

Старик снисходительно кивнул.

– Ничего. Этот свиток становится все более интересным.

Джереми в недоумении переводил взгляд с одного на другого. Стоявший перед ними незнакомец говорил на чистейшем американском английском с еле заметным бостонским акцентом.

Медленно и осторожно старик откинул назад капюшон, обнажив копну тщательно расчесанных белых волос, скрывавшихся под гутрой[5]. Затем снял очки, сложил их и сунул в карман халата. Пара умных голубых глаз насмешливо посмотрела на Логана. Даже при тусклом свете архива стали видны бледно-голубые глаза, прекрасные, как гладь бассейна в свежий день летнего отпуска.

Неожиданно Логан понял. Перед ним стоял Портер Стоун.

[5] Гутра – мужской головной убор в виде платка у арабов. Гутра придерживается на голове шерстяным шнуром (икаль). Для лета гутра изготавливается из хлопка, для зимы – из шерстяной ткани.

4

Джереми отошел на шаг назад. Он увидел, как рука Раша приближается к его локтю, и инстинктивно отвел ее в сторону. Первый шок уже прошел, и на смену ему пришло любопытство.

– Доктор Логан, – проговорил Портер. – Мне не хотелось так вас удивлять, но, несомненно, вы поймете, что я вынужден держаться в тени.

Он улыбнулся, но лишь глазами, за которыми скрывался не только пытливый ум, но и неутомимый голод антиквара – то ли по отношению к богатству и сокровищам, то ли к чистому знанию; Джереми так и не смог определить это. Стоун кивнул Рашу, пожал Логану руку и жестом показал на стул. Рукопожатие оказалось неожиданно крепким, совершенно не соответствующим хрупкому на вид телосложению и почти женственному облику искателя сокровищ.

– Не ожидал вас здесь встретить, доктор Стоун, – сказал Джереми, присаживаясь. – Я полагал, что теперь вы предпочитаете держаться вдали от работ над вашими проектами.

– Мне пришлось постараться, чтобы люди так думали, – ответил тот. – И в большинстве случаев это действительно так. Но со старыми привычками трудно расстаться. Даже теперь я не могу удержаться от раскопок – другими словами, от того, чтобы не запачкать руки.

Логан кивнул. Он прекрасно понимал его.

– Кроме того, если предоставляется возможность, я предпочитаю лично общаться с членами моей команды – особенно с такими важными, как вы. И, конечно же, мне очень любопытно познакомиться с вами лично.

Джереми чувствовал, как его тщательно изучают пронзительные голубые глаза. Им приходилось оценивать очень многих людей.

– Итак, я – один из ключевых членов вашей команды? – сделал он вывод.

Стоун кивнул.

– Естественно. Хотя, если быть честным, я и не предполагал, что вы станете одним из них. Вы оказались на борту одним из последних.

Раш сел за стол напротив них. Портер отложил в сторону манускрипт, который читал, и под ним обнаружилась узкая папка.

– Конечно, я знал о ваших работах. Прочитал вашу монографию о драугах[6] из Тронхейма.

– Это был интересный случай. И мне посчастливилось опубликовать эту работу – редкий случай, когда мне позволили это сделать.

Стоун понимающе улыбнулся.

– Похоже, у нас есть кое-что общее, доктор.

– Зовите меня Джереми, пожалуйста. И что же это?

– Пембридж Бэрроу.

Логан удивленно выпрямился.

– Вы хотите сказать, что прочитали…

– Точно так, – ответил Стоун.

Джереми взглянул на охотника за сокровищами со все возрастающим уважением. Пембридж Бэрроу было одним из небольших, но самых впечатляющих из его открытий: погребальное захоронение в Уэльсе, в котором находились останки Боудикки, по мнению боль-

[6] Драуги (от норв. Draug) – в скандинавской мифологии вид нежити, выходящей после погребения из своих могил; живые мертвецы. По одной из версий, это души берсерков, умерших не в сражении или не сгоревших в погребальном костре.

шинства ученых, королевы Англии в I веке нашей эры. Ее обнаружили похороненной в древней боевой колеснице, окруженной оружием того времени, позолоченными нарукавными браслетами и другими погребальными атрибутами. В ходе этих раскопок Стоуну удалось разрешить тайну, мучившую английских историков сотни лет.

– Как вы знаете, – продолжил Портер, – ученое сообщество всегда полагало, что Боудикка окончила свои дни в руках римских легионеров в Эксетере, или, возможно, в Уоркшире. Но основной идеей вашей диссертации было утверждение о том, что королева уцелела в тех сражениях и позже была похоронена со всеми воинскими почестями, что и привело меня в Пембридж.

– То, что я взял за основу предполагаемые передвижения римских поисковых отрядов вдалеке от Уотлингской дороги, – ответил Логан, – думаю, делает мне честь. – На него произвела впечатление детальность исследований Стоуна.

– Однако я не намеревался говорить на эту тему. Просто хотел, чтобы вы поняли, во что ввязываетесь. – Портер подался вперед. – Я не требую от вас клятвы на крови или чего-то еще столь же мелодраматического.

– Рад это слышать.

– Кроме того, мало кто в вашей сфере деятельности может сохранять конфиденциальность. – Стоун вновь порывисто наклонился вперед. – Вы слышали о Флиндерсе Питри?

– Египтологе? Насколько я помню, он обнаружил Новое Царство в Тель-эль-Амарне, не так ли? И, среди прочего, стелу Мернептаха?

– Совершенно верно. Очень хорошо. – Стоун и Раш обменялись многозначительными взглядами. – Тогда вы, вероятно, знаете, что он был редчайшим из египтологов: настоящий ученый, наделенный безграничным аппетитом к знаниям. За последние восемнадцать веков, когда все бешено искали и выкапывали сокровища, он единственный гонялся за другим: за знаниями. Предпочитал проводить изыскания вдали от общепринятых мест раскопок – пирамид и храмов, – исследуя территории в верховьях Нила, разыскивая обломки керамики и глиняные пиктограммы. Во многом он превратил египтологию в уважаемую науку, борясь против расхищения гробниц и бессистемного документирования.

Логан кивнул в знак согласия. Общеизвестные сведения.

– К 1933 году Питри стал грандом британской археологии. Король произвел его в рыцари. Он завещал свою голову Королевскому хирургическому колледжу, с тем чтобы его блестящий ум мог изучаться бесконечно. Он и его жена удалились на покой в Иерусалим, где археолог смог провести свои последние годы среди древних руин, которые так любил. Вот, собственно, и всё.

Короткая тишина повисла над архивом. Стоун водрузил на нос старые очки, затем снова снял их, повертел в руках и положил на стол.

– За исключением того, что история не закончилась. Потому что в сорок первом году, после многих лет уединения, Питри неожиданно оставил Иерусалим и отправился в Каир. Он не сказал ни одному из своих старых коллег из Британской школы археологии о новой экспедиции. А в том, что экспедиция действительно была, нет никакого сомнения. Он взял с собой минимум помощников: двух-трех человек, не более. Да и тех-то взял, я подозреваю, лишь из-за своего преклонного возраста и растущей слабости. Ученый не просил грантов; оказалось, что он продал несколько своих наиболее ценных артефактов, чтобы финансировать поездку. Все это совершенно нехарактерно для Питри и, что самое странное, проделывалось в большой спешке. Он всегда считался очень осторожным, тщательно планирующим всё ученым. Однако эта поездка в Египет, в то время когда Северная Африка уже глубоко увязла в войне, являлась поступком, полностью противоречащим здравому смыслу. Этот поступок казался безумным, почти отчаянным.

Стоун сделал паузу и отхлебнул кофе из крошечной чашечки. Воздух в комнате заполнился запахом qahwa sada[7].

– Куда точно направился Питри и почему – неизвестно. Он вернулся в Иерусалим спустя пять месяцев, один и без денег. Не хотел говорить о том, где был. Его состояние отчаяния не проходило. Путешествие еще больше подорвало здоровье ученого и окончательно ослабило его тело. Вскоре после этого он умер в Иерусалиме в сорок втором году, собирая средства для еще одного путешествия в Египет.

Портер вернул чашечку на глиняную подставку и посмотрел на Джереми.

– Ничего из этого не зафиксировано в документах, – произнес Логан. – Как вам удалось выяснить это?

– А как я узна́ю обо всем? – развел руками Стоун. – Заглядываю в темные уголки жизни других людей, в которые никто другой не удосужился заглянуть, исследую государственные и частные архивы, охочусь за потерянными документами, куда-то засунутыми и забытыми. Читаю все, что могу найти по интересующему меня вопросу, изучаю дипломные работы и диссертации.

Логан приложил руку к сердцу и насмешливо поклонился.

– Люди говорят о секрете моего мидасовского прикосновения. – Стоун произнес последние слова с неприкрытым негодованием. – Какая чушь! Здесь нет никакого секрета или чуда – лишь долгая кропотливая исследовательская работа. Состояние, которое я сколотил благодаря находке испанского золота, обеспечило ресурсы для исследований. Которые я веду, как считаю нужным: посылаю ученых и исследователей в разные уголки земли, спокойно ищу, чем бы закрыть ужасающие бреши в исторических хрониках, ворошу древние слухи и предания, которые могут оказаться интересными, и выискиваю в них рациональное зерно.

Горечь ушла из его голоса так же быстро, как и пришла.

– В случае Флиндерса Питри я нашел потрепанный дневник, купленный вместе с другими вещами на Александрийском базаре. Дневник хранился у помощника в последние годы жизни археолога в Иерусалиме: молодого мужчины, которого не взяли в последнюю экспедицию. Потом с досады он поступил на службу в армию и погиб в сражении на Кассеринском перевале. Конечно, история, описанная в его дневнике, возбудила мой интерес. Чем был одержим Питри, безразличный к богатствам и интересовавшийся только наукой? Имевший полное право наслаждаться старостью в покое и благоденствии, но отринувший все это? Вот что было для меня загадкой.

Стоун сделал паузу.

– Вы, должно быть, понимаете: у меня в запасе сотня… нет, две сотни подобных тайн и загадок, которые ожидали разгадки в моей исследовательской лаборатории на Кипре. С некоторыми я справился сам; за другие мне пришлось хорошенько заплатить, чтобы добраться до истины. Все они интересны. Но мое время ограничено, и я не берусь за проект, пока не уверен, что у меня есть достаточно знаний и сведений, гарантирующих успех.

«Прикосновение Мидаса», – подумал Логан. Вслух же он произнес:

– Полагаю, что дневник помощника Питри – не последний аргумент в принятом решении?

Стоун опять слабо улыбнулся и, отвечая на вопрошающий взгляд Джереми, произнес:

– Экономка Питри. Один из моих помощников узнал о ее существовании, нашел, где она живет, и поговорил с ней незадолго до ее смерти в хосписе для престарелых в Хайфе. Это случилось шесть лет назад. Она отрешенно бродила по саду и выглядела полоумной. Но в ходе моих ненавязчивых расспросов выяснилось, что она четко помнит один день в сорок

[7] Турецкий кофе мокко без сахара.

первом году, когда Питри показывал часть своей обширной коллекции древностей какому-то гостю. Они рассматривали содержимое некоего деревянного сундучка, найденного в ходе одной из ранних экспедиций в верховьях Нила. Неожиданно Питри встрепенулся, сел прямо и замер, как соляной столб. Минуту он мямлил что-то невразумительное, а потом поскорее избавился от посетителя под надуманным предлогом. Потом запер дверь на ключ, чего никогда раньше не делал. Именно поэтому экономке запомнился тот день. Через несколько дней он отправился в свое последнее путешествие в Египет.

– Питри что-то обнаружил на своем складе артефактов, – проговорил Джереми.

Портер кивнул.

– Что-то, что все время лежало там на виду. Или, скорее, не исследовалось тщательно до дня прибытия гостя; Питри собрал такую большую коллекцию, что и сам не подозревал о существовании этого артефакта.

– И я могу предположить, поскольку мы здесь, что вы нашли тот артефакт.

– Нашел, – медленно подтвердил Стоун.

– Можно спросить, как?

– Нет, нельзя.

Если это была шутка, то какая-то неуклюжая.

– Мои методы, если можно так сказать, являются частной собственностью, не так ли? Это долгая, трудоемкая, нудная – и очень дорогостоящая задача. Если вспомнить, сколько времени и денег мне понадобилось, чтобы отыскать журнал и экономку… Но это не главное. В двадцать раз больше всего этого мне понадобилось на то, чтобы узнать, что открыл Питри в тот день в сорок первом году. Однако я поделюсь с вами информацией об этом артефакте. Вкратце.

Портер вновь протянул руку к чашечке кофе и поднес ее к губам. Логан ожидал, что он покажет тщательно запечатанную шкатулку или скажет Рашу взять артефакт из какого-то потаенного уголка пыльной комнаты. Однако вместо этого Стоун продолжал потягивать кофе. Потом кивнул на изношенную подставку на столе, на которой остался кофейный кружок.

– Возьмите его, – проговорил он.

5

На какое-то мгновение Джереми заколебался. Он не был уверен, что понял его слова правильно. Выражение лица Стоуна было невозможно прочитать.

Затем Логан потянул руку к старой подставке и осторожно взял ее. И понял, что она вовсе не глиняная, а сделана из тонкого куска известняка, грубо обтесанного по краям. Перевернув ее, он разглядел слабый рисунок, выполненный бледными коричневыми чернилами.

– Не оригинал, конечно, – усмехнулся Стоун. – Но точная копия. – Он сделал паузу. – Вы знаете, что это?

Логан повертел подставку в руках.

– Выглядит как остракон.

– Браво! – Стоун повернулся к Рашу. – Итан, этот человек удивляет меня все больше и больше с каждой минутой. – Он вновь посмотрел на Логана. – Если вы знаете, что это остракон, то должны знать, для чего он предназначен.

– Остраконы – это выброшенные обломки камня, керамики, словом, почти всего, использовавшегося для неофициальных записей. Антикварная версия ноутбука.

– Абсолютно верно, с ударением на слове «неофициальных». Они могли использоваться для счетов или для бакалейных списков. Именно поэтому я использовал его в качестве подставки. Несколько мелодраматично, но в этом есть некий смысл. Для людей типа Флиндерса Питри остраконы имели грошовую ценность; иногда интересные в плане сведений о монотонной, однообразной жизни древнего мира, но в то же время малозначительные.

– Именно поэтому Питри никогда раньше не обращал на них внимания…

Логан посмотрел на выцветшую надпись на известняковой пластинке. На ней были нарисованы четыре пиктограммы, плохо нацарапанные и поблекшие.

– Я плохо разбираюсь в иероглифах. В чем особенность этих четырех?

– Предложу вам краткую версию. Вы слышали что-нибудь о царе Нармере?

Логан на мгновение задумался.

– Не он ли был фараоном, объединившим Египет?

– Правильно. До вступления на престол Нармера существовало два царства: Верхний и Нижний Египет. Верхний объединял территории Нила, которые лежали к югу. Каждый имел собственного правителя со своей короной. Цари Верхнего Египта носили белую коническую корону почти в форме кегли, в то время как цари Нижнего Египта предпочитали красную, с возвышенностью сзади. Около трех тысяч лет до Рождества Христова Нармер – владыка Верхнего Египта – вторгся в северные провинции, убил царя Нижнего и объединил страну. Я полагаю, что он был первым божественным фараоном. Однозначно считалось, что он имел власть над жизнью и смертью.

Стоун сделал паузу.

– Как бы то ни было, Нармер также сделал кое-что еще: соединил короны двух царств. Видите ли, доктор Логан, корона египетского фараона была неотъемлемым и наиболее важным символом власти. Нармер, конечно, знал об этом. Поэтому, когда Египет стал одним отдельным государством, его фараон носил двойную корону – комбинацию белой и красной, символизирующую правление обоими Египтами. И последующие три тысячи лет каждый фараон-престолонаследник следовал этой священной традиции.

Он опустошил свою крошечную чашечку и положил ее набок.

– Однако вернемся к Нармеру. Объединение Египта было запечатлено на большой плите из песчаника, на которой изобразили поражение вражеского царя. Ученые обозначили ее как палетка Нармера и считали первым историческим документом в мире. На ней изоб-

ражено самое раннее представление египетского царя из всех когда-либо найденных. На ней также содержатся примитивные, но очень отчетливые иероглифы.

Портер протянул руку, и Джереми отдал ему известняковый фрагмент.

– Питри рассмотрел на данном остраконе иероглифы, датируемые этим очень ранним периодом. Как видите, всего их четыре. – Портер показал на них по очереди худощавым длинным пальцем.

– О чем они говорят? – спросил Логан.

– Вы поймете меня, если я пока утаю детали. Давайте просто согласимся, что это не какой-то пустяшный счет из прачечной. Как раз наоборот. Этот остракон является ключом к самому величайшему археологическому секрету в истории. Он рассказывает нам о том, *что* царь Нармер взял с собой в путешествие в загробный мир.

– Вы хотите сказать, он рассказывает о том, что действительно похоронено в гробнице?

Стоун кивнул.

– Но, видите ли, здесь есть загвоздка. Гробница Нармера – а мы знаем, где она находится, – представляет собой небольшое двухкамерное помещение в Абидосе, Ум-эль-Каабе, если быть точным, и не хранит ни одной из вещей, отраженных здесь.

– Тогда, по вашим словам, получается… – Логан запнулся, – …что известная гробница – это вовсе не гробница?

– Гробница. Но в то же время и не гробница в обычном понимании слова. Это может быть ранним примером кенотафа – скорее символической, нежели реальной усыпальницы. Но я предпочитаю рассматривать ее как некую приманку, ложную цель. А когда Флиндерс Питри увидел этот остракон и понял его значение, это послужило причиной того, что он бросил все, оставил уют и блага своего уединения и, рискуя богатством и безопасностью, решил предпринять попытку отыскать настоящую гробницу Нармера.

Логан задумался.

– Но что такого ценного могло…

Стоун поднял руку, прерывая его.

– Этого я вам не скажу. Но так как вы знаете местоположение гробницы, я оставляю доктору Рашу возможность объяснить вам это. И вы поймете почему – даже если мы не знаем, что хранится в гробнице, – должны быть абсолютно убеждены в ее невероятной важности.

Стоун наклонился вперед и сложил пальцы домиком.

– Доктор Логан, мои методы необычны. Я уже рассказал вам слишком много. Когда я начинаю новый проект, то трачу все время и не менее половины своих финансовых ресурсов на подготовку. Изучаю все оптимальные пути к успеху, привлекаю наилучшие научно-исследовательские кадры для проведения глубокого всестороннего анализа, прежде чем первая лопата воткнется в землю. Поэтому, думаю, вас не удивит, если я скажу, что, лишь только приобретя этот остракон и поняв зашифрованное в нем послание, дал проекту зеленый свет. И действительно, он стал моим наиглавнейшим приоритетом.

Он откинулся назад и взглянул на Раша. Тот впервые заговорил.

– Там, где Питри потерпел фиаско, мы преуспели. Произвели триангуляцию местоположения гробницы. Все уже на месте, и работы уже начались.

– И идут очень быстро, – добавил Стоун. – Для нас очень важен фактор времени.

Джереми поерзал на стуле. Он все еще пытался оценить всю грандиозность и важность находки.

– Вы узнали о существовании настоящей гробницы. Вы знаете, где она находится. Вы начали раскопки. Тогда зачем вам нужен я?

– Я предпочел бы, чтобы вы сами это выяснили – на площадке. Не имеет смысла как-то окрашивать ваше суждение. Давайте просто допустим, что у нас возникли некоторые осложнения и ваш опыт необходим для их преодоления.

– Другими словами, вы обнаружили что-то странное, возможно, необъяснимое и пугающее, что происходит на месте раскопок. Что-то, похожее на проклятие?

– Раскопки древних гробниц всегда связаны с проклятиями, не так ли? – ответил Стоун вопросом на вопрос.

Его слова были встречены гробовым молчанием. Через полминуты Портер продолжил:

– Эти осложнения необходимо проанализировать, понять и устранить. Итан может ввести вас в курс дела и рассказать историю их возникновения по пути на площадку. – Он опять остановился. – Сама площадка, кстати, достаточно уникальна и может стать частью вашего анализа. Она, мой дорогой доктор, может оказаться самым странным в этой истории. Но хватит предысторий.

Стоун встал и пожал Логану руку. На сей раз рукопожатие было прохладным и легким.

– Рад был с вами познакомиться. Итан выведет вас отсюда. Он абсолютно уверен в ваших уникальных талантах, и я тоже – после знакомства с вами.

Это безошибочно указывало, что встреча закончена. Джереми слегка поклонился и приготовился уйти.

– И еще одно, доктор Логан.

Джереми обернулся.

– Работайте быстро. Очень быстро. Время не ждет.

6

Самолет круто пошел в небо и сразу взял курс на Нил. Затем они летели на юг, следуя ленивым изгибам реки. Логан уставился в иллюминатор, пристально глядя на шоколадную поверхность. С высоты в несколько тысяч футов он мог разглядеть фелюги и речные суда, прорезающие гладь воды и оставляющие проходы среди розовых заплаток из зарослей лотоса. Вдоль берега раскинулись небольшие зеленые рощицы бананов и плантации гранатов.

Раш извинился и прошел вперед переговорить с командой. Джереми это было только на руку: ему требовалось время, чтобы переварить все услышанное.

На него произвел глубокое впечатление тощий, почти хрупкий Портер Стоун. Настолько же впечатляющим было само открытие: настоящая гробница первого египетского фараона, богоподобного Нармера, и ее таинственное содержание – священный Грааль египтологии.

Постепенно растительность по берегам реки становилась реже, и пышные пальмы и травы стали уступать место зарослям тростника и осоки. Итан вернулся в заднюю часть салона.

– О'кей, – произнес он с улыбкой. – Я обещал себе, что не буду разговаривать, но не могу удержаться. Как тебе это удается?

– Удается что? – ответил Логан уклончиво.

– Ты знаешь, что тебе следует делать. Например, как тебе удалось изгнать легендарного духа, бродившего по университету Эксетера шесть сотен лет? И как удалось обнаружить в горах точное местоположение рудника, в котором была скрыта разобранная Янтарная комната Петра Великого? И каким образом…

Логан поднял руку, чтобы предупредить дальнейшие вопросы. Он знал, что вскоре они обязательно последуют. Так было всегда.

– Ну хорошо, – проговорил он в раздумье, – я хотел бы, чтобы ты поклялся хранить все в тайне.

– Естественно.

– Ты понимаешь, что не должен говорить никому ни слова, ни единой душе?

Раш согласно кивнул.

– Отлично, – Джереми заговорщицки оглянулся вокруг, потом наклонился вперед, как будто намереваясь открыть большой секрет. – Два слова, – прошептал он. – Чистая жизнь.

Какое-то мгновение Раш обалдело смотрел на него. Потом хихикнул и потряс головой.

– Поделом мне. Не буду спрашивать.

– Нет, на полном серьезе. Речь не идет о связках чеснока или волшебной пудре. Для этого необходимы достаточно обширные знания определенных предметов. Некоторые из них очевидны, такие как история и сравнительная теология; некоторые не столь очевидны – например, астрология и, да, секретные искусства. Кроме того, необходимо желание и умение держать свой ум открытым. Ты слышал о «бритве Оккама»?

Раш кивнул.

– *Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*[8], – сформулировал Джереми. – Простейшее объяснение зачастую является самым верным. Но в моей работе я придерживаюсь абсолютно противоположного подхода. Часто правильное объяснение – самое маловероятное, по крайней мере, для людей, подобных нам: то есть современных, получивших запад-

[8] «Сущности не следует умножать без необходимости» (лат.). Одна из формулировок принципа «бритвы Оккама».

ное образование, находящихся вне контакта с природой, нетерпимых к прошлым практикам и верованиям.

Он сделал паузу.

– Возьмем, к примеру, Эксетерское привидение, о котором ты упоминал. После тщательного изучения древних городских записей и опросов местных жителей о старинных легендах я достаточно много узнал о некоторых санкционированных сообществом убийствах предполагаемых ведьм. Приблизительно о тысяче четырехстах, и этого достаточно. Когда я обнаружил площадку, где были захоронены несчастные женщины, то понял, что существовали определенные ритуалы и специальные химикаты, сопровождавшие казни ведьм.

– Ты хочешь сказать… – Раш был огорошен. – Ты хочешь сказать, что привидение существовало на самом деле?

– Естественно. А ты чего ожидал?

Вопрос был встречен молчанием. Логан поерзал на стуле.

– Но давай вернемся к теме нашего обсуждения. Рассказ Стоуна удивителен, но поднимает множество вопросов. И не только о том, что находится в гробнице. К примеру, как ему удалось узнать ее реальное точное местоположение? Я имею в виду, что остракон – удивительный артефакт, но это же не дорожная карта.

На какое-то мгновение Итан глубоко задумался. Потом встряхнул головой и вернулся к действительности.

– Я сам не знаю всех подробностей. Но для этого были привлечены огромные финансовые и организационные ресурсы. Скрытно, конечно. Однако точно известно, что Стоун начал с изучения перемещений Питри. После того как старый египтолог расшифровал остракон, как он узнал, где искать? Он бы не ринулся в Египет, не будь у него какого-то хорошего плана. Итак, Стоун сложил вместе известные факты и начал поиски вокруг храма Гора в Иераконполе.

– Где?

– В столице Верхнего Египта, месте, в котором жил царь Нармер до того, как вторгся в цветущие северные земли и объединил страну. Там и была обнаружена палетка Нармера в конце двадцатого века. А известно, что Питри предпринял свое путешествие на юг до Иераконполя во время своей ранней экспедиции.

– Столица царя Нармера, – отреагировал Джереми. – Местоположение палетки – и, я полагаю, самого остракона. И фокус исследований Питри к тому же. Выходит, что Иераконполь – это место, где расположена гробница Нармера?

Раш покачал головой.

– Но это было местом документа, который привел к настоящей гробнице.

Логан на минуту задумался.

– Правильно, – произнес он. – Это не мог быть Иераконполь, потому что ты сказал, что цель нашего путешествия не в Египте. – Он искоса взглянул на доктора. – Что ты имел в виду?

Раш хихикнул.

– Мне было просто интересно, когда ты спросишь. Поговорим об этом на судне.

– Судне?

Собеседник кивнул. Джереми почувствовал, что самолет начал плавно снижаться. Выглянув в иллюминатор, он заметил, что Нил расширился в озеро Насер.

Еще через пятнадцать минут они сели на безымянную полосу, расположенную прямо за озером, – покрытую ямами взлетно-посадочную полосу, окруженную унылой невыразительной пустыней. Сойдя с самолета, забрались в ожидавший их джип. Водитель выгрузил

чемоданы Логана и большой немаркированный металлический ящик из брюха самолета, уложил их на заднее сиденье, и они направились на запад, к реке.

Раскаленный добела безжалостный шар солнца пек сморщенную от жары землю. Через несколько минут они доехали до реки. Низко над водой летали ибисы. Где-то на небольшом расстоянии проревел потревоженный гиппопотам.

Джип медленно подъехал к длинному деревянному пирсу, такому же одинокому, как и взлетная полоса. Раш вышел из машины и направился к самому странному судну, которое когда-либо видел Логан.

В длину оно было около восьмидесяти футов, нос невероятно узкий, учитывая значительную длину. Для своего размера осадка очень мала, два фута максимум. Эта необычная суперконструкция состояла из отдельной двухэтажной надстройки, занимавшей бóльшую часть палубы. По обе стороны эркера располагались две небольшие открытые платформы, подвешенные над водой; они напоминали вороньи гнезда. Но главной отличительной чертой судна была его корма: массивная коническая стальная клетка, большая, как капсула космического корабля «Джемини», и примерно такой же формы. Она скрывала большой угрожающе выглядевший пятилопастный пропеллер. Вся конструкция была наглухо закреплена над кормовым отсеком главной палубы.

– Бог мой! – воскликнул Логан из дока. – Аэрокатер на стероидах.

– Достаточно удачное описание, – послышался хриплый голос. Логан взглянул вверх и увидел, как в проеме надстройки появился человек. Ему было лет пятьдесят; среднего телосложения, с глубоко посаженными глазами и аккуратно подстриженной белой бородой. Он ступил на ожидавшие сходни и пропустил их на борт.

– Джеймс Плаурайт, – представил его Раш, – старший пилот экспедиции, капитан.

– Вот это судно! – восхищенно произнес Джереми.

– Ага, – кивнул Джеймс.

– Как управляется?

– Довольно легко, – прохрипел немногословный капитан с грубым шотландским акцентом.

Логан взглянул на пропеллер.

– Что за движок?

– Турбовинтовой «Лайкоминг Т53». Модифицированный, от вертолета «Хьюи».

Джереми присвистнул.

– Сюда, – сказал Итан и повернулся к Плаурайту. – Можешь отдавать концы, как только будешь готов, Джимми.

Тот кивнул.

Раш прошел назад вдоль палубы. Учитывая размеры судна и его довольно тонкий бимс, палуба была очень узкой, и Логан радовался наличию поручней по бокам.

Они прошли несколько закрытых дверей, нырнули в открытую и оказались в слабо освещенной каюте. Когда глаза привыкли, Логан обнаружил, что они находятся в довольно приятно обставленном салоне, в котором стояли диваны и банкетки. На стенах висели разнообразные морские и спортивные фотографии. Салон сильно пах кожей и репеллентом.

Водитель джипа сгрузил сумки и металлический ящик в один угол, поклонился и вернулся на палубу.

Логан указал на ящик, поинтересовавшись:

– Что в нем?

Итан улыбнулся.

– Жесткие диски с файлами из Центра. Я не могу совсем игнорировать основную работу, пока я здесь.

Через минуту Джереми услышал слабые звуки, доносившиеся с кормы: реактивный двигатель запустился с нарастающим воем, и судно, слегка дрожа корпусом, отошло от дока и взяло курс вверх по Нилу в направлении Судана.

– У нас два таких судна, специально сконструированные и построенные для экспедиции, – пояснил Раш, когда они уселись на одно из сидений у стены. – Мы используем их для переправки разных вещей до места. Они слишком громоздкие или хрупкие для транспортировки по воздуху и сбрасывания с самолета: например, высокотехнологичное оборудование.

– Не могу представить себе место, где потребовалось бы судно, подобное этому.

– Когда ты его увидишь, то все поймешь, уж поверь мне.

Логан вновь уселся на роскошное кожаное сиденье.

– Ну хорошо, Итан. Я познакомился со Стоуном. Знаю, что мы ищем. Теперь, думаю, самое время тебе рассказать, куда мы все-таки плывем.

Собеседник слабо улыбнулся.

– Тебе известно выражение: ад на земле?

– Конечно.

– Тогда приготовься. Потому что как раз туда мы и направляемся.

7

Раш подался вперед.

– Ты что-нибудь слышал о Судде?

Логан на мгновение задумался.

– Что-то знакомое.

– Некоторые полагают, что Нил – это просто широкая река, беспрепятственно прокладывающая себе путь из недр Африки. Огромное заблуждение. Первые британские исследователи – Бёртон, Ливингстон и другие – оказались в очень затруднительном положении, когда наткнулись на Судд. Взгляни вот сюда; здесь это место описано гораздо красноречивее, нежели я смогу это сделать. – Итан указал на книгу, лежащую на ближайшем столике.

Джереми взял ее с неподдельным интересом. Потертый экземпляр книги «Белый Нил» Алана Мурхеда. В ней описывалась история исследования реки.

– Страница девяносто пятая, – подсказал Раш.

Логан перевернул несколько страниц, нашел нужную и углубился в чтение:

«Нил… представляет собой сложную водную систему. Он течет через пустыню в широком и довольно устойчивом русле… Но незаметно река поворачивает на запад, влажность становится выше, берега – зеленее, и это является первым предупреждением о наличии большого препятствия – Судда, лежащего впереди. В мире не существует более жуткого болота, чем Судд. Нил теряется в огромном океане зарослей осоки и гниющей растительности. И эта зловонная жижа представляет собой буйство тропической жизни, которая вряд ли сильно изменилась со времен зарождения мира; она такая же примитивная и враждебная к человеку и ко всему живому, как Саргассово море.

Этот район нельзя отнести ни к суше, ни к воде. Год за годом течение приносит сюда все новые массы плавучей растительности и спрессовывает ее в монолитные куски, толщиной, возможно, двадцать футов, способные выдержать вес слона. Но потом эти дебри откалываются огромными кусками и дрейфуют, как острова или айсберги, на другое место. И этот бесконечный цикл повторяется из года в год, из века в век.

Здесь не существует настоящего, не говоря уж о прошлом; здесь есть лишь редкие островки твердой земли, на которой никогда не жил человек, и не мог бы жить в этом уединенном царстве дрейфующего тростника, камышей и тины. Здесь не выжили бы даже дикари. Здесь в изобилии существовали только примитивные формы жизни, но что касается человека… Судд представлял исключительно угрозу – голода, болезней и смерти».

Логан отложил книгу в сторону.

– Бог мой! Такое место действительно существует?

– Еще как существует, – откликнулся Раш, – и ты его увидишь еще до темноты. – Он пошевелился на сиденье. – Представь себе территорию в несколько тысяч квадратных миль, не столько болото, сколько непроходимый лабиринт зарослей осоки, тростника, папоротника. И еще топляков, грязи и тины. Грязь везде, более коварная, чем зыбучие пески. Судд неглубок, как правило, не более тридцати-сорока футов в некоторых местах, но в дополнение к тому, что его вода покрыта густым переплетением растений, имеющим структуру сот, она настолько грязная и илистая, что дайверы ничего не видят уже в дюйме от их масок. Днем воды Судда кишат крокодилами, ночью воздух наполнен мириадами комаров. Все ранние исследователи этих краев отказались от мысли пересечь озеро и, как один, обходили его. Сам по себе Судд представляет широкую неглубокую долину. И каждый год она расширяется – ненамного, но тем не менее. Это огромное болото подобно живому существу. Поэтому нам понадобилось такое узкое судно. Попытки пересечь Судд сродни попыткам пропустить нитку через кору дерева. Каждый день мы используем разведывательный вертолет, который

наносит на схему перемещающиеся водовороты, а на карту – новые проходы через них. И ежедневно эти маршруты меняются.

– Таким образом, это судно используется в качестве своеобразного ледокола, – резюмировал Логан, припомнив странное оборудование, которое заметил на носу.

Раш кивнул.

– Небольшая осадка помогает обходить подводные препятствия, а пропеллер и корма придают исходную мощность, необходимую для протискивания через заторы.

– Ты прав, – согласился Логан. – Это и в самом деле выглядит как ад на земле. Но зачем мы… – Он запнулся. – О нет!

– О да!

– Боже правый!

Джереми замолчал, как будто его осенило.

– Так гробница Нармера здесь! Но почему?

– Помнишь, что сказал Стоун? Подумай об этом. Нармер прошел неимоверно большое расстояние, чтобы спрятать свою гробницу. В действительности он даже вышел за пределы Египта, миновал шесть порогов Нила и углубился в Нубию – согласись, опасное путешествие по враждебным землям. Учитывая то, как рано в египетской истории это произошло, достижение можно сравнить со строительством Великих пирамид. Но Нармер был единственным фараоном, погребенным за пределами страны. Как ты, вероятно, знаешь, все фараоны должны быть погребены на земле Египта.

Логан кивнул.

– Именно поэтому Египет никогда не был колонией.

– Учитывая это, Джереми, ты намекаешь на то, что в своей невероятной попытке, сопряженной с большим риском и финансовыми затратами, Стоун просчитался и в гробнице Нармера нет ничего ценного?

– Но непроходимое болото… – Логан покачал головой. – Подумай о логистике, необходимой для строительства гробницы – особенно невероятной в условиях примитивной культуры, да еще и во враждебном регионе.

– В этом заключается зловещая красота этого события. Помнишь, как я говорил о том, что Судд немного расширяется с каждым годом? Нармер знал об этом. Он мог построить гробницу там, где была окраина болота, и держать место своего захоронения в секрете. Под поверхностью долины имеется разветвленная система вулканических пещер. После смерти распространяющееся болото могло скрыть все следы захоронения. За него эту работу выполнила природа. Почти что идеально.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты слышал, что сказал Стоун. Все эксперты на месте, равно как и инженеры, техники, археологи, механики и все остальные. Только… – Он поколебался. – Только отыскать точное местоположение гробницы оказалось немного труднее, чем предполагали ребята Стоуна.

Раш вздохнул.

– Конечно, приходится замалчивать происходящее, что нехарактерно для обычных поисковых экспедиций. Жадность чиновников возрастает; все сложнее становится давать взятки. Кроме того, это время – самое неудачное для проведения раскопок: сезон дождей. Все эти факторы превращают Судд в еще более трудное, неприятное, нездоровое место для поисков.

Логан вспомнил слова Стоуна: «Нас сильно поджимает время». «Почему такая безумная спешка? Гробница находилась в земле пять тысяч лет – почему бы не подождать еще шесть месяцев?» – подумал он.

Как будто отвечая ему, Итан встал и сделал знак следовать за ним. Они вновь поднялись на палубу и осторожно направились вперед в носовое отделение. Солнце падало за горизонт,

безжалостный раскаленный добела шар теперь стал сердито-оранжевым. Нил вытекал из-под носа судна толстыми изгибающимися линиями. Крики водоплавающих птиц уступили место трубным звукам, доносившимся с обоих берегов.

Раш раскинул руки. Глядя вперед, Логан заметил странные холмы, поднимающиеся по обе стороны реки, расширяющиеся и образующие впереди просторный амфитеатр, скрывающийся вдалеке.

– Смотри, ты это видишь? За ними находится плотина Афайала. Ее строительство близится к завершению с суданской стороны границы. Через пять месяцев все это, весь проклятый богами бесполезный уголок уйдет под воду.

Логан вперил взгляд в сгущающийся мрак. Теперь он понял причины спешки.

По мере того как Джереми задумчиво вглядывался в расстилающуюся перед ним водную гладь, он начал замечать папоротник-орляк. Сначала это были просто пучки тростника и камыша. Затем они начали образовывать небольшие островки, закрепившиеся на выступах грязи, поднимающейся из реки подобно миниатюрным вулканчикам.

– Эта плотина обеспечила нас прекрасной легендой, – продолжил Раш. – Мы маскируем наши раскопки под работу экспедиции, исследующей экосистему и описывающей ее до того, как она навсегда исчезнет. Однако эта придумка стоит лишних денег, и опять-таки, чем дольше мы будем использовать эту легенду, тем труднее поддерживать обман.

Корабль начал замедлять ход по мере того, как заросли становились гуще. Теперь Логан мог разглядеть большие бревна, перекрученные, как будто они побывали в титанической битве; мох и гниющие камыши свисали с них подобно сети огромного паука. Зловоние от гниения начало заполнять все пространство вокруг корабля.

Двери в надстройке раскрылись, и появились двое подручных, в руках которых были странные, похожие на гарпуны, орудия с прикрепленными к ним пневматическими шлангами. Они заняли позицию на платформах по обе стороны носа корабля и склонились над водой.

Неожиданно с полубака ударил заливающий все вокруг луч, посылая сноп нереально голубого света перед носом судна. Звук турбины продолжал стихать. Растительность становилась еще гуще и превратилась в почти непроходимый ковер, сплетенный из камыша, тростника, веток и зловонной жижи. Матросы на носу принялись энергично орудовать своими пневмопушками, отгоняя в сторону наиболее тяжелые бревна и сгустки волокнистого органического материала. Двигатели издавали неприятные чавкающие звуки.

Впереди в узком просвете открытой двери Логан заметил небольшой огонек, мерцающий в болоте. Он быстро вспыхивал в отраженном свете носового прожектора судна. Один из матросов выудил этот фонарь, когда судно проплывало мимо.

– Ежедневно поисковый вертолет сбрасывает маяки после вычисления траектории прохода через ад, – пояснил Раш. – Это единственный способ движения через болото.

Судно медленно вползло в еще более густое месиво из бревен и папоротника-орляка. Звуки, доносившиеся с берегов – если только берега действительно существовали в этом безграничном болоте, – стихли. Создавалось такое впечатление, что теперь корабль окружен со всех сторон безграничным буйством флоры, мертвой и умирающей, сплетенной в колоссальный клубок. Люди ждали, перебрасываясь редкими замечаниями, в то время как судно следовало по линии мерцающих маяков.

Время от времени казалось, что маяки привели их в тупик; однако каждый раз после слепого разворота растительная ловушка расступалась, и они упрямо продолжали продвигаться. Часто кораблю приходилось использовать собственный корпус, чтобы пробиться сквозь липкую древесную кашу и переплетения органических нитей.

Один раз они достигли места, через которое, казалось, не было прохода. В пилотской кабине капитан Плаурайт установил турбину на максимум, корпус судна приподнялся вверх,

и оно полетело вперед над поверхностью трясины, скребя днищем по ее поверхности. Двое помощников капитана склонились над носом и принялись сворачивать пневматические приспособления. Сильный жар и вонь гниющей растительности становились невыносимыми.

– Ты, наверное, устал, – неожиданно произнес Раш. – Это был долгий день. Завтра ты познакомишься с ключевыми членами команды. И получишь то, что ждал больше всего.

– И что же это?

– Последний фрагмент пазла. Тот, который ответит на твой следующий вопрос: почему ты находишься здесь.

«Здесь?» Джереми посмотрел вперед. И вдруг до него дошло.

Судно сделало резкий поворот, прорезав вязкую паутину, сплетенную из ветвей и тростника. Взору Логана открылась необыкновенная картина. Впереди на плавучих понтонах располагались с полдюжины платформ, а на них – небольшой городок. Из-под бесчисленных москитных сеток пробивались мерцающие огни. Брезентовые пологи величиной с футбольное поле возвышались над постройками и отсекали их от неба. Слышалось негромкое жужжание генераторов, не намного громче, чем писк комаров и другой летающей живности, тучами витавшей вокруг судна. Это было удивительное зрелище – здесь, в самом удаленном и ужасающем месте, находился оазис цивилизации, который с равным успехом мог быть создан на одном из спутников Юпитера.

Они прибыли.

8

Катер снизил ход до самого малого и дал гудок. Почти сразу под одним из огромных брезентовых тентов появился прямоугольник света. Логан, несмотря на усталость, наблюдал за тем, как скопища москитов были отсечены тентом подобно тому, как занавес отгораживает зрительный зал от театральной сцены. Медленно они скользнули под брезент и очутились у причала. Слева находилось еще одно большое судно на воздушной подушке, идентичное тому, на котором они прибыли; справа – множество судов меньшего размера и водных мотоциклов, пришвартованных к коротким плавучим пирсам.

Плаурайт завел судно на место, и кто-то в шортах и цветастой рубахе пробежал по пирсу, чтобы пришвартовать его. С шорохом опустилась внешняя сетка. Джереми вгляделся в нее: за огнями пристани стояла сплошная мрачная стена Судда.

Раш спустился по мосткам на пирс.

– Сюда, – сказал он Логану и провел его на перекидной мостик, сделанный из штампованного металла, затем через дверной проем и вниз по длинному туннелеобразному плавучему пирсу; наконец, в огромную, похожую на баржу конструкцию, покрытую большим листом непрозрачного майлара, на манер цирка шапито. – Семь вечера по местному времени, – добавил Итан.

Даже в столь поздний час воздух был липким и давящим. Из темноты за сеткой до Логана доносились странное фуговое жужжание насекомых, пение лягушек и других трудноопределимых тварей.

Джереми огляделся.

– У всего этого есть имя?

Раш рассмеялся.

– Официально – нет. Большинство людей просто называют это место станцией. Шесть главных плавучих структур, «крыльев», образующих основание, называются по их цветам. Та, в которую мы сейчас входим, называется «Зеленой». Здесь проводится обработка документации экспедиции: интерфейсная связь с поставщиками, координация работы транспорта, обслуживание судов и оборудования и тому подобное.

Они спускались по узкому проходу, довольно мрачному и исшарканному ногами, усеянному открытыми дверями. Внутри закрытой конструкции было прохладнее. Логан отметил, что стены покрашены зеленой краской. Он с любопытством заглядывал в каждую из кают, мимо которых они проходили. В каждой полно компьютеров, видеокамер на треногах и белых досок, испещренных схемами и диаграммами с условными обозначениями. Неприбранные лаборатории – очевидно, экологические и биологические – с полным набором научного оборудования и принадлежностей для взятия образцов. Все комнаты объединяла одна общая черта: темные, покинутые, без признаков деятельности.

– Что там? – спросил Джереми, кивнув на одну из открытых дверей.

– Отдел общественных связей, о котором я тебе уже рассказывал.

Логан покачал головой.

– Уникальные или не уникальные, но зачем проводить какие-то исследования в этом Богом забытом месте?

Раш хихикнул.

– Именно этим озадачено местное правительство, чего мы, впрочем, и добивались. Зачем изучать и документировать болото, которое повсеместно проклинают со дня его обнаружения? Конечно, они были рады получить деньги в обмен на необходимые разрешения. Возможно, это единственная выгода расположения экспедиции в таком непотребном месте. Во всяком случае, нам не приходится ожидать внезапной инспекции. Лишь однажды к нам

наведался суданский чиновник, когда мы только запустили работу. Мы постарались сделать его путешествие сюда как можно более трудным, и отключили все кондиционеры на то время, пока он находился здесь. После этого визита мы больше не ожидаем перерывов и повторных наездов властей, но в случае необходимости готовы за пять минут восстановить работу этих заброшенных лабораторий и офисов, чтобы просто заморочить голову непрошеным гостям.

Они продолжили свой путь вдоль коридора Зеленого сектора и теперь проходили мимо офисов, которые казались более обитаемыми. Логан рассмотрел человека, распечатывающего что-то на принтере; другой говорил по полевой рации. Они повернули в еще один коридор, который вел в темный круглый проход, закрытый широкими, от потолка до пола, полосами полупрозрачного пластика. Это напомнило карусель выдачи багажа в аэропорту. Итан протолкнулся сквозь пластмассовые полосы, и Логан проследовал за ним.

Неожиданно они вновь оказались в узкой трубе москитной сетки, покоящейся на понтонах. Снаружи была кромешная тьма, и комариный писк усилился, полностью перекрывая жужжание генераторов. Прислушавшись, Логан подумал, что вряд ли перенесет ночь в этом адском шуме. Когда они пересекали длинный переход, шум то усиливался, то немного стихал, и Джереми смог различить чавкающие звуки, раздававшиеся под ногами. Стало ясно, что они переходят с одной базовой плавучей баржи на другую. Через густую сетку над головой он разглядел бесчисленные звезды.

– Все эти конструкции прикреплены якорями ко дну Судда, – пояснил Раш. – Они заякорены очень точно и поэтому не могут сдвинуться с места даже на полметра. Наша работа зависит от GPS. Но вскоре ты сам в этом убедишься.

– Прекрасно.

– Самая замечательная часть еще даже не видна. Как ты догадываешься, такое болото, как Судд, выбрасывает огромное количество метана. Поэтому под каждым крылом предусмотрены коллекторы для сбора газа. Он концентрируется и перерабатывается в горючее топливо в специальных камерах, а потом подается по трубам в два внешних генератора. А также используется в качестве топлива для всех приборов, агрегатов и устройств, расположенных здесь. Словом, для всего – от катеров и водных мотоциклов до горелок Бунзена. Таким образом, мы абсолютно независимы в плане источников энергии.

– Это просто здорово. Почему другие не используют этот метан?

– Понимаешь, гниющая растительность не покрывает остальную часть суши, слава богу.

– Конечно, – рассмеялся Логан. – А это не опасно?

– То, что через твой дом проложены трубы подачи природного газа, вероятно, тоже опасно. Это замкнутая система, мониторинг которой ведется двадцать четыре часа в сутки. К тому же везде стоят надежные предохранители, полностью автоматические. А регулярные перелеты на тысячах галлонах нефти и газа тоже в теории небезопасны. Кроме того, Стоун не только любит летать ниже видимости радаров, но предпочитает не оставлять после себя следов и наносить экологии наименьший вред.

Они преодолели еще одно препятствие и оказались в просторном огороженном пространстве, на этот раз окрашенном бледно-голубой краской. Высоко вверху располагался купол с аркой, нависающей над кабинками с семифутовыми стенками.

– Это – Голубой сектор, – пояснил Раш. – Место проживания команды.

Здесь наблюдалась явно бóльшая активность. Люди проходили в комнату отдыха, в которой стояли автоматы для игры в пинбол и виднелась разметка для шаффлборда; минибиблиотека с удобными креслами, журналами и полками книжек в мягких переплетах; далее шел холл, в котором за карточными столами сидели несколько групп по четыре человека,

погруженных в игру. Логан слышал смех, обрывки разговоров на французском, немецком и английском.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но бридж стал традицией при раскопках Портера Стоуна, – заметил Итан. – Она поощряется в свободное время. Стоун считает, что игра в бридж снимает накопившийся за рабочий день стресс, отвлекает от грустных мыслей об изоляции и в то же время держит ум начеку.

– Сколько сейчас народу здесь?

– Я не знаю точную цифру. Что-то около ста девяноста человек.

Они задержались около комнаты, которая напоминала кафетерий или столовую.

– Не хочешь ли перекусить, перед тем как я покажу тебе, где ты будешь жить? – спросил Раш.

Джереми отрицательно помотал головой.

– Нет, я не голоден.

– Давай я все же что-нибудь возьму для тебя. Так, на всякий случай.

Итан исчез внутри. Логан ожидал его в коридоре. В столовой обедали не менее дюжины человек. Атмосфера была удивительно демократичная: ученые в лабораторных халатах практически терлись локтями с грубо выглядевшими разнорабочими, покрытыми пятнами грязи и машинного масла.

Итан появился в дверях, держа в руках бумажный пакет.

– Вот тут кусок яблочного пирога и банка чая со льдом, – сообщил он. – На случай, если тебе захочется перекусить.

Он скрылся за поворотом и направился в секцию, где располагалось общежитие. Логан следовал за ним. Здесь разговоры стали слышнее: смех, беседа и споры, звуки музыки, доносившиеся из переносных проигрывателей. Некоторые смотрели фильмы на лэптопах или мониторах с плоскими экранами.

Раш остановился перед закрытой дверью с номером 032.

– Это твоя, – объявил он, открывая дверь.

Комната оказалась обставлена по-спартански, но очень чисто и опрятно. В ней были стол, кровать, два стула, одежный шкаф и ряд ящиков, заделанных в стену.

– Твой багаж доставят через несколько минут. А завтра мы оформим тебя официально, и ты начнешь осваиваться.

– Спасибо за все.

Коллега улыбнулся.

– Пойду отмечусь у медиков. Встретимся за завтраком? Скажем, часов в восемь?

– Конечно.

Итан сжал его плечо, повернулся и вышел, закрыв дверь.

Звукоизоляция оказалась лучше, чем предполагал Джереми: звуки в холле стали тише и превратились в отдаленный шум. Логан переводил часы на местное время, когда в дверь постучали, и молодой человек с волосами морковного цвета принес его нехитрый багаж. Джереми поблагодарил парня, закрыл за ним дверь и лег на кровать. Он практически не устал, но ему необходимо время, чтобы рассортировать в голове все удивительные вещи и открытия, произошедшие за последние тридцать шесть часов. Трудно поверить: сейчас он находился в обширном комплексе на платформах, соединенных дорожками и укрытых брезентовым саваном и москитными сетками, и все это плавало поверх смрадного болота, за сотни миль от цивилизации…

Спустя пять минут Логан крепко спал, и ему снилось, что он стоит наверху пирамиды, как человек, высаженный на необитаемом острове, окруженный бесконечным морем зыбучих песков.

9

Следующее утро характеризовалось всплеском активности. Логан встретился с Рашем за завтраком, как и договаривались. После этого коллега опять повел его в Зеленый сектор на официальную регистрацию, где ему выдали ID-карту, и серьезная женщина с сильным сельским акцентом провела двадцатиминутное ознакомление. Введение в курс дела было эффективным и проводилось с почти военной точностью – вся процедура отработана до автоматизма. В конце инструктажа она попросила Логана отдать телефон, сказав, что он получит его обратно по окончании пребывания в лагере.

«Когда ты будешь на борту, то не сможешь принимать звонки снаружи, это уж точно», – так Итан написал ему в предварительном электронном письме. Теперь Джереми понял почему: из-за Стоуна и его одержимости секретностью. Хотя вряд ли кто-нибудь мог позвонить ему в эту тьмутаракань.

– Ты познакомишься с Тиной после ланча, – сказал Раш, когда они снова вступили в узкий коридор.

– Тина?

– Доктор Кристина Ромеро – ведущий египтолог. Она поможет тебе заполнить пробелы, которые у тебя наверняка остались. Иногда она может быть колючей и очень ненавидит расхитителей гробниц. Но она – лучшая в своей профессии. – Итан помедлил какое-то мгновение, как бы подбирая слова. – Тем временем ты, возможно, захочешь ознакомиться с производственным процессом.

– Конечно, – ответил Джереми. – Особенно если это поможет мне понять, что я здесь делаю.

Они продолжили путь мимо других офисов, лабораторий и навесов с оборудованием. Логан быстро потерял ориентацию в похожих друг на друга интерьерах. Прошли мимо одетых в спецхалаты ученых, механика в комбинезоне и, что удивительно, плотного бородатого мужчины в высоких сапогах и ковбойской шляпе.

– Разнорабочий, – сказал Раш, как будто это все объясняло.

Затем коллеги оказались в просторной комнате. Вдоль одной желтой стены располагались многочисленные ящики, возможно, две дюжины, выкрашенные в серо-стальной цвет. Вдоль противоположной находилось оборудование: смонтированные в стойках серверы, осциллоскопы, очень сложные на вид глубиномеры и сонары, а также дюжина еще более экзотических устройств. Электропроводка, силовые кабели и разное другое электропередающее оборудование змеилось под ногами и сходилось к центру большого пространства, где в полу была проделана огромная круглая дыра. Это похожее на колодец отверстие было окружено поручнем, и здесь стояло еще больше оборудования и инструментария.

– Это Желтый сектор, – произнес Раш, обводя рукой все это нагромождение, и в его голосе чувствовалась нотка гордости. – Наружная сторона раскопок.

Он направился к центру комнаты. Логан последовал за ним, осторожно выбирая траекторию среди моря проводов и кабелей. Вокруг центрального отверстия суетились несколько человек: одни отслеживали показания приборов и оборудования, другие, в костюмах ныряльщиков, сидели на лавках и тихо переговаривались. Женщина в униформе медсестры сидела в небольшом медпункте и что-то бегло печатала на лэптопе.

Логан приблизился к отверстию и с любопытством заглянул в него. Не менее восьми футов в диаметре. Он увидел буровато-зеленую поверхность Судда, расположенную под его ногами. В ноздри ударил зловонный пар. Две лестницы спускались в мрачную зловещую бездну вместе с несколькими толстыми кабелями.

– Наш болотный интерфейс. Мы называем его «чревом».

– «Чревом»?

Итан криво усмехнулся.

– Вполне подходит, ты так не думаешь?

Пришлось с этим согласиться.

На дальней стороне «чрева», на плоской панели был установлен большой монитор, подсоединенный к банку данных центрального процессора. Рядом стояла промышленная складная лестница, какие используют на больших складах, чтобы добраться до верхних полок.

На верхней ступени стоял весьма интересный персонаж. Он сложил руки на бочкообразной груди и курил сигару, несмотря на запрещающие таблички. Его лысая макушка ярко сияла под светом больших хирургических ламп. Мужчина наверняка провел несколько лет на солнце, так как его кожа была цвета жевательного табака. И хотя рост мужчины не превышал пяти футов, от него исходила уверенность и авторитетность.

Раш остановился у основания лестницы.

– Фрэнк? – окликнул он. – Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Толстячок глянул сверху вниз. Затем настороженно оглядел комнату, как бы вбирая в себя все детали. И убедившись, что все в порядке, наконец начал спускаться, дымя сигарой.

– Познакомься, это Фрэнк Валентино, – представил его Итан. – Босс команды ныряльщиков и копателей.

Толстяк вынул сигару изо рта, задумчиво посмотрел на изжеванный конец, потом вновь засунул ее себе в рот и протянул мясистую лапу.

– Фрэнк, это Джереми Логан, – продолжил Раш. – Он прибыл прошлой ночью.

Взгляд Валентино приобрел некоторую заинтересованность.

– Да, я слыхал о вас, – произнес он. Голос удивительно басовитый и без малейшего акцента. – Специалист по привидениям.

На мгновение Логан замер. Потом неожиданно протянул руку и наклонился к Валентино.

– Му-у-у! – громко произнес он.

Тот отпрянул, пробормотал: «О, мадонна», – и перекрестился. Логан и Раш подавили улыбку.

На фоне разговоров инженеров и дайверов Джереми расслышал громкий механический голос, раздавшийся из динамика:

– Ромео Фокстрот Два, спускаются.

– Ромео Фокстрот, вас понял, – ответил человек, сидевший около рации.

– Ваш сигнал пять на пять.

Раш махнул рукой в сторону «чрева».

– До тех пор, пока не обнаружена реальная гробница, именно здесь проводятся все исследовательские и картографические работы.

– Но площадь Судда огромна, – возразил Логан. – Откуда вы узнали, где необходимо расположить лагерь?

– Это тебе может объяснить Тина. Достаточно сказать, что первоначально это местоположение определили как квадрат со стороной в несколько миль. Ученые и другие специалисты сузили его до мили.

– Одна квадратная миля, – задумчиво повторил Логан, с недоверием качая головой.

– То, что ты здесь видишь, является репродукцией земной тверди, расположенной под Суддом. – Итан кивнул в сторону большого монитора. – Эта одна миля дна разбита на квадраты десять на десять. С помощью GPS, связанной со спутником и обеспечивающей максимальную точность, мы исследуем каждый квадрат по отдельности. Дайверы спускаются вниз и производят расчистку, исследуя и устраняя любые заторы.

– Ромео Фокстрот, это Эхо Браво, – передал радист. – Сообщите обстановку.

Через мгновение радио ожило.

– Ромео Фокстрот. На глубине тридцать футов. Продолжаю погружение.

– Концентрация пузырьков?

– Восемьдесят два процента.

– Следите за ними.

– Понял.

– Сейчас ты слышишь переговоры с работающей командой дайверов, – пояснил Раш. – Они ныряют парами в целях безопасности. И у них имеется специальное оборудование для ориентирования. Ты себе и представить не можешь, что такое погружение в Судд – кромешная чернота, грязь и плывуны окутывают тебя удушающим одеялом. И никакой возможности поговорить с теми, кто внизу или наверху… – Он замолчал.

– Ты говорил о расчистке, – напомнил Логан, – и об исследовании заторов.

– Да. Видишь ли, когда-то здесь был расположен доисторический вулкан. Даже во времена Нармера этого вулкана уже не существовало. Но его следы остались в виде подземных трубок лавы. Мы полагаем, что фараон выбрал подходящую трубку и его слуги расширили и укрепили ее. После этого запечатали, а наползающие грязь и вода Судда довершили дело. Как бы то ни было, когда мы впервые перешли в новый сектор решетки, сначала нам пришлось взорвать и убрать более поздние наносы со дна болота.

– Это работа «Большой Берты»[9], – с улыбкой произнес Фрэнк, ткнул большим пальцем себе за плечо и указал на скрывавшуюся в тени большую мощную машину, напоминавшую наполовину ледовый комбайн, а наполовину – снегомобиль.

– Нармер думал, что его гробница будет спрятана навеки, – сказал Итан. – Но он не подозревал, насколько далеко продвинется технологический прогресс, что будут изобретены радары дальнего действия, оборудование для дайвинга, спутниковая навигация…

– Это Ромео Фокстрот, – проскрежетал металлический голос. – Механизм пузырьков работает с выдачей небольшого количества хлопьев. Их содержание в районе сорока трех процентов.

Радист взглянул на Валентино, тот кивнул.

– Глубина?

– Тридцать пять футов.

– Следите внимательно, – приказал радист. – Прекращайте погружение, если содержание достигнет двадцати процентов.

– Вас понял.

– «Берта» производит очистку, – продолжил Раш. – Потом квадрат решетки проверяется на наличие несоответствий – отверстий или туннелей на дне болота. Если таковые отсутствуют, квадрат помечается как исследованный, и мы переходим к следующему. Если обнаружены туннели, они помечаются флажком и должны быть изучены следующей парой дайверов.

– Таким образом, можно найти водосточный колодец, – произнес Фрэнк. – А можно и ничего не найти. Но мы должны изучить каждый квадрат. Иной раз туннели ответвляются наружу. Тогда мы наносим их на карту. Все до одного.

Раш опять кивнул в сторону монитора.

– И результаты записываются на нем и дублируются на картографическом мониторе в командном центре с археологической точностью.

– Уже что-нибудь нашли?

---

[9] По аналогии со знаменитой немецкой мортирой калибра 420 мм, носившей это название и использовавшейся во время Первой мировой войны.

Коллега отрицательно покачал головой.

– А какую часть решетки вы уже исследовали?

– Сорок пять процентов, – ответил Валентино. – К ночи, бог даст, будет пятьдесят.

– Быстрая работа, – похвалил Логан. – Я думал…

Его перебил громкий голос по радио:

– Это Эхо Браво. У нас проблема с подачей воздуха.

– Проверь впускной клапан, – передал радист.

– Проверил. Безрезультатно.

Джереми бросил беглый взгляд на Раша.

– Возможно, ничего страшного, – сказал тот. – Вы должны понимать, что ныряние в этих тяжелых условиях оказывает отрицательное воздействие на оборудование. В любом случае респираторы сконструированы таким образом, что даже если один из них отказывает, то воздух все равно будет подаваться.

– Эхо Браво – базе! – раздался голос. – Ко мне не поступает воздух!

Валентино немедленно подскочил к радиостанции и схватил гарнитуру.

– Это Валентино. Используйте вторую ступень резервной подачи воздуха.

– Я использую! Использую! Но воздух все равно не поступает. Думаю, клапан забился илом! – Даже по радио в его голосе явно звучала паника.

– Ромео Фокстрот, – проговорил Валентино в микрофон, – вы видите Эхо Браво? Его регулятор сломался, воздуховод отсоединен. Вам необходимо поделиться с ним воздухом. Вы его видите?

– Говорит Ромео Фокстрот. Никаких признаков его присутствия; думаю, он производит прочистку и направляется вверх.

– О боже! – воскликнул Раш. – Он паникует. Забыл все правила.

Он повернулся к медсестре и прокричал:

– Приготовьте каталку и команду экстренной помощи сюда. Немедленно! И принесите гидравлический затвор!

– В чем проблема? – спросил Джереми.

– Если он помнит, чему его учили, тогда ни в чем. Но если он паникует и задержит дыхание у поверхности… На каждые тридцать три фута погружения давление воздуха в легких удваивается. Во время последней передачи они находились на глубине тридцать пять футов. Если он появится на поверхности со всем воздухом внутри себя…

– Он расширится вдвое, – подсказал Логан.

– И его легкие взорвутся.

С угрюмым лицом Раш поспешил к медицинскому пункту, где медсестра что-то быстро говорила по телефону.

10

Они собрались вокруг темного зева «чрева»: напряженные, с суровыми лицами. По коротким командам Валентино над этим кругом установили дополнительные лампы, ярко освещавшие рельеф дрожащей поверхности болота. Логан вглядывался в темно-бурую жижу, и ему казалось, что это кожа какого-то огромного доисторического зверя, и их попытки потревожить его были огромной глупостью…

Вдруг один из кабелей, ведущих в бездну, спазматически дернулся, и по радио донесся странный, похожий на полоскание горла звук.

Фрэнк подбежал обратно к рации.

– Эхо Браво? Эхо Браво!

– Это Ромео Фокстрот, – раздался бестелесный голос. – Все еще никаких его признаков. Внизу черно, как в аду, не вижу ничего…

В проходе Желтого сектора появились два одетых в белое парамедика. Каждый толкал по большой тележке, груженной медицинским оборудованием.

Кабель дернулся еще раз, и рация вновь ожила.

– Ромео Фокстрот – базе. Я его вижу. Я его ухватил. Идем на поверхность.

Неожиданно пятнистая поверхность воды, покрытой гниющей растительностью, забурлила и вздыбилась. Через мгновение рука в черной перчатке резко вынырнула над поверхностью и схватилась за перильца одной из лестниц. Затем появились неопреновый капюшон и маска. Несмотря на критическую ситуацию, Джереми не мог отделаться от ощущения, что перед ним какое-то огромное насекомое, пытающееся выбраться из липкой слизи.

Рядом стоял Итан, молчаливый и напряженный, словно сжатая пружина. Потом он рванулся вперед и с помощью одного из медтехников принялся освобождать дайвера. Одной рукой спасенный обнимал второго неопренового человека, который еще слабо барахтался. Обоих выдернули из «чрева» и уложили на пол. С головы до ног они были покрыты субстанцией, похожей на жидкую овсяную кашу. В помещении резко завоняло тлением и дохлой рыбой.

– Снимите с них акваланги и отсоедините шланги, – приказал Валентино.

Но даже, несмотря на то что другие члены команды ринулись снимать с аквалангистов маски, Раш помогал укладывать пострадавшего на носилки. Он снял маску с его лица и скальпелем разрезал неопреновый костюм от горла до пупка. Человек стонал и дергался на носилках. На губах появилась кровавая пена.

Раш быстро приложил стетоскоп к его голой груди.

– Он запаниковал, – произнес второй дайвер, подходя к напарнику и одновременно вытирая полотенцем лицо и волосы. – Характерная ошибка новичка. Но дайвинг – такое дерьмо, что иногда забываешь, как тебя зовут.

Итан поднял руку, требуя тишины. Он водил стетоскопом по груди раненого, внимательно прислушиваясь. Его движения были порывистыми, почти яростными.

– Транссудация воздуха, повлекшая пневмоторакс.

– Доктор, мы можем перевезти его в медблок, – робко предложила медсестра, – где его…

– Нет времени! – резко бросил Раш, стягивая латексные перчатки.

Человек на носилках извивался, хватаясь за горло, пытаясь что-то гортанно сказать. Но различить его слова было невозможно, так как у него получались только булькающие звуки. Итан резко повернулся к парамедикам.

– Пункционная биопсия недостаточна. Единственный оставшийся вариант – плевроскопия. Дайте мне плевральную дренажную трубку. Живо!

Логан смотрел на него со смешанным удивлением и одобрением. До этого момента Итан Раш представлял воплощение спокойной уверенности. Но эти неожиданные неистовые, почти яростные движения – нетерпение и лающие приказания – абсолютно нехарактерны для него. Таким он видел его впервые.

Пока один из парамедиков поворачивался к каталке, Раш уже протирал спиртом участок под левой рукой ныряльщика и делал местную анестезию. Затем одним взмахом скальпеля сделал разрез длиной два дюйма между ребрами.

– Поторопитесь с дренажом! – бросил он через плечо.

Парамедик принес плевральную трубку и снял с нее стерильную обертку. Раш склонился над дайвером и осторожно ввел трубку в надрез. Проверил, правильно ли она расположена, что-то проворчал и поднялся.

– Дренаж грудной клетки! – резко приказал он.

К нему подбежал второй парамедик, толкая перед собой передвижной напольный столик с лежащим на нем бело-голубым пластмассовым прибором. На нем находилось несколько вертикальных измерительных шкал; две прозрачные пластмассовые трубки отходили от верхней части корпуса.

– Клапан контроля отсоса? – рявкнул Раш.

– Включен.

– Наполните водой гидравлический затвор на два миллиметра.

– Да, сэр.

– Катетер на место. Начинаем отсос.

Он щелкнул переключателем на устройстве, а затем принялся поворачивать запорный кран на корпусе устройства. Немедленно жидкость в камере начала пузыриться. Раш повернул кран дальше; пузырение увеличилось. Трубка, ведущая от надреза, начала заполняться смесью крови с водой.

– Если нам удастся выкачать жидкость из грудной полости достаточно быстро, то легкие могут заработать вновь, – сказал Раш медицинскому технику. – Для дальнейших манипуляций времени не осталось.

В большой комнате наступила тишина, нарушаемая лишь жужжанием машины и шипением пузырьков воды, выливающейся из дренажной трубки.

Раш перевел взгляд с лежавшего на носилках человека на гидравлический затвор и обратно с все возрастающим волнением.

– У него развивается цианоз, – сказал он. – Увеличьте вакуумное давление.

– Но такой высокий уровень…

Доктор сорвался:

– Черт возьми! Делайте, что сказано!

Потом, быстро обходя носилки, раскрыл безжизненный рот ныряльщика и принялся делать ему искусственное дыхание. Прошло пятнадцать секунд, потом тридцать. Вдруг совершенно неожиданно конечности аквалангиста дернулись; он выкашлял кровь и воду и сделал глубокий прерывистый вздох.

Раш медленно выпрямился. Посмотрел на дайвера, потом на гидравлический затвор.

– Открутите назад… – пробормотал он, оглядел лица собравшихся и содрал перчатки. – Следите за сборной камерой, – приказал Итан сестре. – Я назначу предварительный медосмотр для тщательной оценки.

И, не говоря больше ни слова, он развернулся на каблуках и вышел из производственного участка.

* * *

Ближе к обеду Джереми обнаружил, что после бесцельного блуждания по помещению в попытках собраться ноги непроизвольно принесли его в медицинский центр. Если в проекте задействованы только сто пятьдесят человек, то он был слишком большим для такого числа людей, если только не учитывать, как далеко они забрались от цивилизации и не могли рассчитывать на какую-либо помощь.

Центр казался тихим, почти сонным. Логан прошел по центральному коридору, заглядывая в раскрытые двери на пустые кровати и неиспользуемое оборудование. Женщина в уголке медсестры делала какие-то записи в планшете-блокноте. Джереми прошел через большую открытую зону, на входе в которую было написано «Смотровая». Травмированный дайвер находился здесь, окруженный различным диагностическим оборудованием.

И тут Логан услышал:

– Катетер вставлен в полость грудной клетки; напряжение пневмоторакса ослаблено до того, как состояние могло ухудшиться до медиастинального сдвига или воздушной эмболии, однако и то, и другое может привести к фатальному результату из-за того, что при создавшейся ситуации было бы нецелесообразно…

Почувствовав, что в палате находится еще кто-то, Раш выключил диктофон и резко обернулся. Логан был шокирован тем, что увидел: лицо доктора пепельно-серое, глаза красные и опухшие.

Доктор слабо улыбнулся.

– А, Джереми. Садись.

– Это была отличная работа, – произнес Логан.

Улыбка на лице Раша померкла.

– Интересный вариант ознакомительной экскурсии, да?

Джереми кивнул:

– Да. Стать свидетелем такого несчастного случая…

– Несчастного случая, – повторил Итан. – Еще одного несчастного случая.

Казалось, что на какое-то мгновение он глубоко задумался. Затем его лицо неожиданно просветлело.

– Извини, что увидел меня в таком состоянии.

– Ты спас человеку жизнь.

Раш устало отмахнулся от похвалы.

– Начиная с катастрофы с моей женой, я только и делал, что спасал жизни людей, которые обманули смерть. Сегодня впервые я столкнулся с жизнью или смертью, как таковыми, со времени… Думаю, со времени, как ее привезли в реанимацию госпиталя «Провиденс». Не думал, что это так повлияет на мою жизнь. – Он замолк на мгновение и взглянул на Логана. – Я бы никогда не сказал это кому-то еще, Джереми, но надеюсь, что Портер Стоун не совершил ошибку, подписав со мной контракт на должность главного медицинского эксперта.

– Никакой ошибки. Стоун выбрал достойнейшую кандидатуру. Подожди – и увидишь, что это был единственный кризис, который тебе пришлось пережить. С того момента – свободное плавание… Ну а теперь, как насчет того, чтобы немного перекусить перед тем, как ты представишь меня этой Тине Ромеро?

На лице Раша появилась более искренняя улыбка.

– Дай мне пять минут, чтобы я мог закончить этот отчет. После этого я весь твой.

11

Офис Кристины Ромеро располагался в Красном секторе – контейнерном отсеке, предназначенном для медицинского центра и различных научных лабораторий. Он сильно смахивал на собственный офис Логана в Йеле: чистый и упорядоченный, с рядами книг, стоящих на длинных металлических полках и рассортированных по авторам и тематикам.

Стол в центре комнаты заставлен артефактами и тетрадями и все же умудрялся выглядеть опрятным; еще больше артефактов хранилось у задней стены в стопке тщательно пронумерованных и маркированных контейнеров. Несколько дипломов и фото в рамках были развешаны на трех остальных стенах: фотография египетской настенной живописи, репродукция «Регулус» Тёрнера[10] и причудливое, по-детски наивное изображение Сфинкса.

Однако, если вид офиса был относительно привычным, то сама Ромеро выглядела удивительно и не отвечала ожиданиям Логана. Джереми представлял себе неопрятную пожилую мадам в твиде, больше подходящую для роли экономки Флиндерса Питри. Ромеро же выглядела абсолютно по-другому. Стройная и очень молодая, не старше тридцати лет; голубые джинсы и черный свитер под горло с закатанными по локти рукавами; черные волнистые волосы до плеч, разделенные посередине и спадавшие на ее лицо, напоминавшие прическу египетского царя. Когда Логан вошел, она сидела за столом, занятая наполнением авторучки чернилами из маленькой бутылочки.

Он вежливо постучался в дверную фрамугу. Ромеро дернулась от неожиданности и чуть не уронила перо.

– Черт! – воскликнула она, хватая бумагу, чтобы промокнуть разбрызганные чернила.

– Извините, – произнес Логан, оставаясь в дверном проеме. – Предпочитаете заправлять ручку сами?

– Пустяки, – ответила женщина мелодичным бархатным голосом. – Наверное, я испортила ее. – Она подняла ручку. – Вы знаете, что это? «Паркер Сениор Дуофолд», выпуск девятьсот двадцать седьмого года – первый год производства. Очень редкий. Взгляните, здесь есть даже желтая резьба на корпусе. После они перешли на черную. – Она помахала ручкой, как дирижерской палочкой.

– Очень впечатляет. Хотя лично я предпочитаю «Вотерманса».

Женщина положила ручку и взглянула на собеседника.

– Серебряное покрытие?

– Нет. Модель «Патриций».

– О, даже так?

Она закрутила колпачок и сунула ручку в карман джинсов. Потом встала, чтобы пожать ему руку. Рукопожатие сказало Логану даже больше, чем интерьер офиса. Он немного задержал ее ладонь в своей – дольше, чем принято.

– Что вам нужно? – спросила она. – Я не видела вас здесь раньше.

– Это потому, что я прибыл прошлой ночью. Меня зовут Джереми Логан.

– Логан, – нахмурилась она.

– Мне назначено.

Ее лицо просветлело.

– О, конечно, вы охотник за привидениями.

Она замолчала, но ее зеленые глаза заблестели от внутреннего возбуждения.

Все та же старая глупость… Логан к этому привык.

---

[10] Имеется в виду картина под названием «Регулус» британского художника Уильяма Тёрнера (1775–1851), мастера романтического пейзажа.

– Я предпочитаю термин «энигмалогист». Да, потому что он придает моей работе налет легитимности.

Она оглядела его сверху вниз с выражением скептицизма и завуалированной враждебности.

– Итак, где вы их прячете? В вашей спортивной сумке, с которой вы не расстаетесь?

– Прячу что?

– Ваши прибамбасы. Ну, знаете ли, детектор эктоплазмы, хрустальный шар… и вашу волшебную лозу для определения наличия воды и минералов. Конечно, у вас где-то припрятана волшебная лоза.

– Никогда не ношу ее с собой. Кстати, хрустальный шар может быть очень полезен – не обязательно для ясновидения, а для опустошения сознания и избавления его от ненужных мыслей и отвлекающих вещей, скажем, перед медитацией, – конечно, в зависимости от примесей в минералах и коэффициента рефракции.

Казалось, она на мгновение задумалась над его словами.

– Может, войдете и присядете?

– Благодарю, – Логан вошел, выбрал место перед столом и положил свою сумку на пол.

– Извините. Не хотела показаться несерьезной. Просто я никогда раньше не встречала… энигмалогиста.

– Большинство людей не встречали. Я никогда не увиливаю от разговоров на эту тему во время вечеринок с коктейлями.

Женщина встряхнула копной черных как смоль волос и откинулась назад.

– Так чем вы реально занимаетесь?

– Более-менее тем, что подразумевает озвученный мною термин. Исследую феномены, лежащие за границами обычного человеческого существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.